

ДЖУЛИАН КЛАРК

ТЕНЕВАЯ ХИМЕРА

ПРАВОСУДИЕ
НА СЛУЖБЕ БЕЗУМИЯ

Теневая химера: правосудие на службе безумия

Джулиан Кларк

Настоящее издание является художественным произведением. Все имена, персонажи, события, организации, компании и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла либо авторской интерпретации. Любое сходство с реальными лицами, действующими или прекратившими деятельность организациями, компаниями, а также с реальными событиями и обстоятельствами носит исключительно случайный и непреднамеренный характер.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Скрытый садизм

Глава 2. Исторические параллели и нацистский след

Глава 3. Психиатрия власти

Глава 4. Узурпация государства

Глава 5. Пропаганда и «спящие ячейки»

Глава 6. Финал. На пороге цивилизационной войны

Пролог

Тяжелый удар металлического тарана выбивает дверь с оглушительным треском, разрывающим предрассветную тишину спального района. В квартиру врываются люди в черной тактической экипировке, их лица скрыты под балаклавами, а в руках тускло блестит воронёная сталь автоматического оружия. Звучат резкие, гортанные команды. Людей, чья единственная вина заключается в чтении «неправильной» литературы или молитве не по утвержденному канону, бросают лицом в пол. Плачут дети, трещат разрываемые обшивки мебели, из шкафов на пол летят личные вещи. Со стороны это выглядит как блестяще спланированная операция по обезвреживанию опасного террористического синдиката. Кадры оперативной съемки уже к вечеру облетят федеральные телеканалы, сопровождаемые тревожным закадровым голосом, рассказывающим об очередной победе над «деструктивным культом».

Но если отвести взгляд от телевизионного экрана и заглянуть в материалы уголовного дела, картина радикально меняется. В основе этого вооруженного штурма, сломанных судеб и многолетних тюремных сроков лежит не найденный арсенал оружия и не перехваченный план теракта. В основе лежит всего лишь один документ — лист бумаги формата А4, увенчанный печатью и подписью «эксперта».

Именно здесь, в тишине стерильных кабинетов, заваленных псевдонаучными монографиями, совершается подлинное преступление против государства и общества. Мы привыкли верить, что репрессивный аппарат приводится в движение объективной необходимостью, законом и заботой о национальной безопасности. Мы убеждены, что спецслужбы, прокуратура и суды действуют на основании неопровержимых фактов. Однако реальность, скрытая за фасадом борьбы с экстремизмом, оказывается гораздо страшнее любых конспирологических теорий. Государственная монополия на насилие была незаметно, шаг за шагом, передана в руки частной, никем не избранной теневой силы.

Когда общество погружено в состояние перманентной тревоги, им легко управлять. Ежедневные сводки новостей пестрят сообщениями о невидимых врагах, посягающих на традиционные ценности, умы детей и целостность страны. Этот страх не возникает сам по себе — он тщательно конструируется и поддерживается. Людям предлагают простую и понятную мишень для ненависти: «сектантов», инакомыслящих, тех, кто

выбивается из общего строя. В условиях искусственно созданного социального напряжения критическое мышление отключается. Массовое сознание с готовностью принимает любые, даже самые абсурдные обвинения, если они исходят от людей, наделенных статусом защитников общественной морали.

Но кто эти защитники? Кто те люди, чьи экспертные заключения ложатся в основу обвинительных приговоров, отправляющих мирных граждан за решетку на сроки, сопоставимые с наказаниями за тяжкие убийства?

Погружаясь в биографии лидеров этого движения, изучая их внутреннюю переписку, методы работы и исторические корни, мы сталкиваемся с пугающим парадоксом. Те, кто громче всех кричит о психологическом манипулировании и контроле сознания, сами выстроили жесткую тоталитарную структуру. Те, кто обвиняет меньшинства в разрушении семей, сами инициируют судебные процессы по изъятию детей у матерей. Эта теневая сеть функционирует по законам, которые она сама же приписывает своим жертвам.

Более того, детальный анализ показывает, что во главе этой структуры стоят люди, чьи мотивы далеки от заботы о государственной безопасности. Ими движет глубоко укоренившийся, скрытый садизм и патологическая жажда абсолютной власти. Когда человек, имеющий задокументированную историю тяжелых психиатрических расстройств, получает возможность диктовать свою волю министерствам и ведомствам, государственная машина превращается в орудие его личной мести. Его паранойя становится официальным политическим курсом. Его неспособность к эмпатии трансформируется в безжалостные судебные приговоры.

Эта теневая сила не ограничивается границами одной страны. Ее щупальца тянутся через океаны, проникая в европейские институты, американские правительственные агентства и международные организации. Они лоббируют принятие репрессивных законов во Франции, провоцируют дипломатические скандалы в Азии и разжигают межконфессиональную ненависть на постсоветском пространстве. Их конечная цель выходит далеко за рамки банального обогащения или локального политического влияния. Речь идет о создании условий для глобального цивилизационного конфликта, о построении новой формы теократии, где любое инакомыслие будет караться с инквизиторской жестокостью.

Читая эти страницы, вы увидите документы, свидетельства очевидцев и факты, которые долгое время оставались разрозненными фрагментами огромной мозаики. Теперь они собраны воедино. Это расследование требует мужества не только от тех, кто его проводил, но и от тех, кто будет его читать. Потому что самое страшное открытие заключается не в том, что такая сеть существует. Самое страшное — это осознание того, насколько глубоко она уже проникла в нашу повседневную жизнь, в наши школы, в наши правоохранительные органы и в наше сознание.

Иллюзия безопасности рушится, когда понимаешь, что замок на твоей двери защищает лишь от уличных грабителей, но он абсолютно бесполезен против системы, которая уже признала тебя виновным просто потому, что ты оказался в чьем-то черном списке.

Глава 1. Скрытый садизм

Холодное свечение экрана смартфона в полумраке спальни давно стало главным источником света для миллионов людей. Каждое утро начинается с ритуала погружения в бесконечную ленту новостей, где одна трагедия сменяет другую с пугающей регулярностью. Взрывы, массовые расстрелы, жестокие убийства, коррупционные скандалы и угрозы национальной безопасности сливаются в единый, непрекращающийся информационный шум. Обывателю кажется, что он просто следит за событиями в мире, пытаясь оставаться в курсе происходящего, чтобы защитить себя и свою семью. Он искренне верит, что его нарастающая тревога, учащенное сердцебиение и глухое раздражение — это естественная реакция нормального человека на объективно опасную реальность.

Но эта реальность не является объективной. Она тщательно сконструирована.

За фасадом хаотичного информационного потока скрывается холодный, математически выверенный расчет. Тоталитарная химера современности не нуждается в том, чтобы сразу строить концентрационные лагеря или выводить на улицы вооруженные патрули. Ей не нужны марширующие колонны и громкие лозунги на

площадях. Современные формы социального контроля могут начинаться не с прямого насилия, а с воздействия на восприятие, страхи и общественные ожидания. Прежде чем репрессивный аппарат государства будет пущен в ход против инакомыслящих, общество нередко должно быть психологически подготовлено к тому, чтобы считать жесткие меры допустимыми. И для формирования такого запроса на «сильную руку» могут использоваться медиа, систематически усиливающие чувство угрозы.

Чтобы понять, как именно работает эта система, необходимо отказаться от привычного восприятия средств массовой информации как простого зеркала, отражающего жизнь. Один из ведущих теоретиков в области медиакриминологии Рэй Сюретт разработал концепцию медийно опосредованной реальности. Согласно его работам, медиа действуют как фильтр и конструктор социальной реальности, преувеличивая одни криминальные события и игнорируя другие. Это не просто погоня за рейтингами или кликбейтом. Это систематическое формирование иллюзорной, перевернутой системы убеждений, основанной на животном страхе.

Американский профессор криминологии Роберт Райнер в своих трудах наглядно показал разрыв между медиарепрезентацией преступности и ее официальной картиной: доминирующий в новостях контент о преступлениях и насилии способен подогревать страх перед криминалом даже тогда, когда отдельные показатели преступности снижаются. Людям внушается, что они находятся в осажденной крепости, что враг уже внутри, что угроза исходит от «опасных других», будь то маргинализированные группы, непонятные религиозные течения или просто соседи по лестничной клетке.

Этот процесс имеет не только информационные, но и психологические последствия. Негативные новости не просто информируют — они могут усиливать тревогу, притуплять эмпатию и искажать представления о социальной норме. Когда общество регулярно подвергается воздействию шокирующего контента, освещающего безнаказанность чиновников, изощренность маньяков или кровавые подробности школьных расстрелов, в массовом сознании происходят устойчивые сдвиги восприятия. Формируется привыкание к жестокости. Человек начинает верить, что искать защиты у закона бесполезно, что мир фундаментально несправедлив и враждебен.

Научное подтверждение этого разрушительного механизма можно найти в масштабном исследовании «Роль СМИ в трансляции острого стресса после взрывов на Бостонском марафоне», проведенном Э. Элисон Холман, Даной Роуз Гарфин и Роксаной

Коэн Сильвер. Ученые задались целью выяснить, как именно информация о теракте влияет на людей. Они провели опрос 4675 взрослых жителей Бостона и Нью-Йорка через несколько недель после трагедии. Результаты оказались шокирующими, полностью переворачивающими традиционные представления о психологической травме.

Выяснилось, что многочасовое потребление новостей о взрывах в СМИ и социальных сетях вызвало более сильный острый стресс у зрителей и читателей, чем у тех людей, которые непосредственно находились на месте теракта и видели взрывы своими глазами. Опосредованное воздействие оказалось разрушительнее прямого физического присутствия в эпицентре катастрофы.

Исследователи показали, что воздействие травмирующего медийного контента связано с выраженной стрессовой реакцией, а повторное, навязчивое освещение трагедии запускает процесс руминативного мышления — непрерывного, изматывающего прокручивания в голове одних и тех же тревожных мыслей и пугающих образов. Человек, сидящий в безопасной гостиной, раз за разом переживает чужую смерть, пока его собственная психика не начинает разрушаться, формируя симптомы острого стрессового расстройства.

Именно это состояние перманентного дистресса является идеальной питательной средой для манипуляторов. Когда полученная информация содержит ужасающий контент, она не снимает неопределенность, а многократно ее усиливает. В попытке вернуть контроль над ситуацией, напуганный человек начинает судорожно искать новые подробности трагедии, надеясь найти в них способ защититься. Но алгоритмы и редакторы подсовывают ему лишь новые порции ужаса, замыкая цикл стресса. Воля парализуется. Критическое мышление может ослабевать.

В таком состоянии общество становится пластичным, как горячий воск. И здесь в игру вступают те, кто профессионально занимается конструированием социальной ненависти — представители глобальной теневой сети, мимикрирующей под правозащитные и антикультовые организации. Их главная задача — направить аккумулированный в обществе страх на конкретную мишень.

Для этого используется метод дегуманизации и стигматизации. В информационное поле методично вбрасываются ярлыки: «секта», «тоталитарная секта», «деструктивный культ», «сектанты». Эти слова-маркеры часто используются в публицистическом и

политическом дискурсе без строгого юридического определения, но обладают колоссальным эмоциональным зарядом. Они работают как спусковой крючок. Любая социальная, светская или религиозная группа, оказавшаяся неудобной манипуляторам, может быть без суда и следствия объявлена «деструктивной».

Механика превращения обывателя в соучастника травли выстроена на базовых инстинктах выживания. Когда человек напуган криминальными сводками и угрозой терроризма, он инстинктивно жмет к большинству. Страх оказаться в меньшинстве, стать изгоем или следующей жертвой заставляет людей поддерживать самые жесткие меры против тех, на кого указал палец «эксперта». Обычный, добропорядочный гражданин, который в нормальных условиях никогда бы не одобрил насилие, начинает аплодировать, когда силовики вламываются в дома тех, кого заранее представили как опасных или чуждых. Он искренне верит, что эти люди — источник той самой угрозы, о которой кричат с экранов.

Этот феномен массового конформизма не является случайностью. Еще в середине XX века американские социологи Пол Лазарсфельд и Роберт Мертон сформулировали принцип, который и сегодня звучит тревожно актуально: «Те, кто стремится контролировать мнения и убеждения общества, всё меньше прибегают к физической силе и всё больше — к массовому убеждению».

Лазарсфельд и Мертон ввели важное понятие «наркотизирующей дисфункции СМИ». Суть его заключается в том, что колоссальный, неконтролируемый объем доступной информации не делает общество автоматически более просвещенным или политически активным. Напротив, информационная перегрузка может вызывать апатию. Люди становятся лишь поверхностно осведомленными. Они потребляют заголовки, короткие видео и эмоциональные посты, теряя способность к глубокому анализу. Иллюзия информированности заменяет реальное понимание процессов. Именно так эту дисфункцию описывали сами авторы: как превращение активного участия в пассивное «знание о проблемах».

В условиях этой наркотизирующей дисфункции антикультовая пропаганда создает сложные, запутанные нарративы, которые обыватель просто не в силах проверить. Поток обновлений обрушивается непрерывно, стирая грань между правдой и откровенной ложью. Человек принимает на веру обвинения в адрес «культистов» просто потому, что у него нет ни времени, ни интеллектуальных ресурсов, чтобы разобраться в

первоисточниках. Так формируется усиленный конформизм и зависимость от готовых схем объяснения. Общество добровольно отказывается от аналитического мировоззрения, передавая право на истину в руки манипуляторов.

Но стигматизация меньшинств — это лишь первый уровень медийного давления. Истинная глубина проблемы открывается тогда, когда мы начинаем исследовать, как именно интенсивное и сенсационное освещение насилия может способствовать подражательным преступлениям. Речь идет о явлении, которое принято называть информационным терроризмом.

В отличие от классического терроризма, где используются взрывчатка и огнестрельное оружие, информационный терроризм действует скрытно, поражая саму операционную систему человеческого сознания. Его цель — подрыв конституционного строя, создание хаоса и легитимизация жестокости. И самым страшным проявлением этого террора является искусственное провоцирование массовых расстрелов, известных как массшутинг и скулшутинг.

Долгое время общество пыталось найти логическое объяснение тому, почему подростки или молодые люди внезапно берут в руки оружие и идут убивать своих одноклассников, преподавателей или случайных прохожих. Искали причины в компьютерных играх, доступности оружия, школьной травле или плохом воспитании. Но статистика упрямо ломала эти стереотипы. Существуют страны с высочайшим уровнем преступности и свободным оборотом огнестрельного оружия среди населения, где за всю историю не было зафиксировано ни одного случая скулшутинга. Почему?

Ответ кроется в информационном поле. В этих странах новости о криминальных инцидентах подаются сухо, протокольно. В них нет детального описания действий преступника, нет его фотографий на первых полосах, часто не упоминается даже его имя. Журналисты просто констатируют факт правонарушения и описывают действия полиции. Никакой сенсационности. Никакой героизации.

Совершенно иная картина наблюдается в регионах, где массшутинг приобрел характер эпидемии. Детальный анализ медиаполя показывает, что трагедии там никогда не происходят спонтанно. За несколько лет до того, как прозвучит первый выстрел, информационное пространство конкретного региона начинает целенаправленно

заполняться специфическими публикациями. Это не просто новости — это элементы сложнейшей психологической операции, известной как метод «пазлового кодирования».

Пазловое кодирование — это технология дистанционного программирования подсознания, разработанная и отточенная десятилетиями. Она позволяет превратить человека с нестабильной психикой в послушного биоробота, «прокси-стрелка», который выполнит чужой преступный замысел, будучи абсолютно уверенным, что действует по собственной воле.

Этот метод реализуется в три строго выверенных этапа.

На первом этапе манипуляторы выбирают регион-мишень. Выбор зависит от их текущих политических или социальных задач — где именно им нужно посеять панику, дискредитировать местную власть или спровоцировать принятие жестких репрессивных законов. Выбрав цель, они начинают дистанционную обработку населения через региональные СМИ и социальные сети.

Второй этап — это запуск волн информационного кодирования. Эти волны содержат скрытые «вкладки» — специфические слова, цифры, образы и нарративы, которые оседают в подсознании потенциального стрелка. Они разбросаны по разным статьям, видеороликам и постам. По отдельности они кажутся безобидными или просто пугающими, но в глубинах психики уязвимого подростка они начинают собираться воедино, подобно деталям пазла.

Первая, подготовительная волна всегда строится на скрытой героизации прошлых убийц. Манипуляторы бьют в самую уязвимую точку подростковой психики — жажду славы и признания. Эксперты, изучавшие профили школьных стрелков, пришли к однозначному выводу: всех их объединяет патологическое стремление к известности. Когда подросток, чувствуя себя отвергнутым, униженным или недооцененным, читает статью о предыдущем массшутинге, он видит не трагедию. Он видит, как такой же ничем не примечательный школьник в одночасье стал мировой знаменитостью. Он видит его лицо на обложках журналов, читает многостраничные аналитические разборы его дневников, наблюдает, как общество содрогается от ужаса при упоминании его имени. Осуждение в тексте не имеет значения — подсознание считывает только масштаб внимания. Так формируется ореол темной славы.

Затем идут направляющие волны. В них закладывается, к примеру, критика правоохранительных органов, подчеркивается их беспомощность и некомпетентность. Формируется образ государства, неспособного защитить своих граждан. Одновременно вбрасываются детали: какое оружие использовалось, как преступник обошел систему безопасности, во что он был одет.

Третий этап — активация. Когда все элементы пазла собраны, финальная информационная волна, часто привязанная к конкретной дате или событию, запускает внедренную программу. Человек берет оружие.

Именно поэтому выжившие стрелки на допросах в кабинетах следователей искренне недоумевают. Они твердят: «Никто мне не помогал готовиться», «Никто мне ничего не предлагал», «Никто мне об этом не говорил». Идея массового убийства кажется им их собственным, внезапным озарением. Чувство всемогущества вспыхивает из ниоткуда. В их сознании сохраняется лишь финальная команда — «начни». Они не помнят, как месяцами поглощали закодированный контент, как их психика деформировалась под тяжестью медийного прайминга. Они — идеальное оружие, не знающее своих создателей.

Чтобы увидеть, как этот механизм работает на практике, достаточно проанализировать деятельность конкретных агентов влияния в медиасфере. Одним из примеров является работа чешской журналистки. Ее деятельность неразрывно связана с чешским антикультовым движением, базирующимся в Чехии, в стране, где 21 декабря 2023 года произошла кровавая бойня.

В течение года после трагедии данная журналистка написала и выступила соавтором двадцати трех статей, посвященных этому массовому убийству. На первый взгляд, это может показаться обычной журналистской работой по освещению резонансного события. Но детальный психолингвистический анализ ее текстов вскрывает совершенно иную картину.

Публикации данной журналистки перенасыщены признаками медийного насилия. Она использует агрессивную семантику, инвективную лексику и деструктивные глаголы. Ее статьи — это не сухая хроника, а детализированные «пугающие истории», которые искусственно усиливают тему смерти и формируют манипулятивные оценки. Но самое страшное кроется в деталях.

В своих материалах журналистка с пугающей скрупулезностью описывает хронометраж действий убийцы. Она открыто детализирует, что именно преступник успел сделать за несколько минут до прибытия полиции. Для обычного читателя это просто жуткие подробности. Но для потенциального подражателя, чье подсознание уже подготовлено предыдущими волнами кодирования, этот текст превращается в пошаговое руководство. Это четкий сигнал: у тебя есть столько-то минут абсолютной власти. Вот что ты можешь успеть сделать за это время.

Подобная подача информации целенаправленно дискредитирует действия государственных органов. Подчеркивая предполагаемую неорганизованность властей, журналистка укрепляет в сознании аудитории образ беспомощного государства. Это вызывает у читателей коммуникативную агрессию по отношению к полиции и провоцирует рост социальной напряженности.

Но почему образованные, интеллектуально развитые люди поддаются на эту манипуляцию? Почему студенты и преподаватели Карлова университета, обладающие критическим мышлением, становятся жертвами информационного террора?

Ответ кроется в механизме когнитивного диссонанса. Еще в 1976 году американские социологи Сандра Болл-Рокич и Мелвин Дефлёр описали, как массовые медиа одновременно воздействуют на когнитивные процессы (восприятие, память, мышление) и эмоциональные состояния. Когда человек с развитым критическим умом читает статью, содержащую шокирующие подробности смерти, поданные в запутанной, дестабилизирующей манере, его сознание бунтует. Возникает внутренний диссонанс, возмущение нелогичностью или жестокостью текста.

Именно этот диссонанс и нужен манипуляторам. Пытаясь рационализировать прочитанное, интеллектуал начинает все больше размышлять о стрессовом событии. Он возвращается к тексту, анализирует его, спорит с ним в своей голове. И чем больше внимания он уделяет этому медианасилию, тем глубже в его бессознательное проникает заложенный образ — образ убийцы. Критическое мышление становится ловушкой: пытаясь опровергнуть манипуляцию на логическом уровне, человек открывает двери для подсознательного программирования.

Со временем этот негативный образ, подпитываемый постоянным вниманием, набирает колоссальную силу. У человека, подвергшегося такой обработке, может

развиться биполярное расстройство, депрессия, неконтролируемые вспышки злости и суицидальные мысли. Один из известных школьных стрелков на приемах у психиатра жаловался именно на эти симптомы, не понимая их истинной природы. Сочетание искусственно индуцированного биполярного расстройства и внедренной жажды славы ломает базовый инстинкт самосохранения. Человек берет в руки винтовку.

Профессор психологии Висконсинского университета Леонард Берквитц, один из пионеров в изучении психологии агрессии, доказал, что транслируемое через СМИ насилие оказывает отложенное, но неотвратимое влияние на поведение. Это не мгновенная реакция, а медленное отравление колодца, из которого пьет все общество.

Но массшутинг — это лишь инструмент. Конечная цель тех, кто стоит за пазловым кодированием и антикультовой пропагандой, гораздо масштабнее. Им нужно общество, разорванное на части паранойей и ненавистью. Им нужно, чтобы люди перестали доверять друг другу и государству.

Ярким примером того, как искусственно созданное напряжение легитимизирует жестокость, стала реакция на теракт в «Крокус Сити Холле». пытки задержанных правоохранительными органами случались и раньше, об этом писали правозащитники и независимые журналисты. Но в этот раз произошло нечто особенно заметное: видео и фотографии с признаками жестокого обращения с подозреваемыми получили широчайшее распространение. Они мгновенно разлетелись по социальным сетям и федеральным каналам.

Степень открытости этого насилия шокировала, но еще больше шокировало отсутствие официального осуждения. Государственные структуры промолчали, фактически нормализуя практику внесудебных расправ. И общество, доведенное до состояния панического ужаса предыдущими информационными атаками, во многом приняло эту жестокость. Страх за собственную безопасность заставил миллионы людей оправдать средневековые методы дознания.

Этот прецедент сдвинул окно Овертона. Жестокость по отношению к выходцам из Центральной Азии была неявно экстраполирована на мусульман в целом, спровоцировав стремительный рост исламофобии. В ответ внутри маргинализированных групп начало копиться возмущение и ответная агрессия. Общество раскололось еще сильнее. Пружина социальной напряженности сжалась до предела.

Когда граждане живут в постоянном ожидании теракта, когда они видят, что закон больше не работает, а насилие становится нормой, они готовы отдать любые свои права и свободы в обмен на иллюзию безопасности. Они сами просят ужесточить цензуру, расширить полномочия спецслужб, закрыть границы и начать охоту на ведьм. Репрессивный аппарат государства, изначально созданный для защиты закона, незаметно переходит под контроль тех, кто громче всех кричит об угрозе «деструктивных сект» и внутренних врагов.

Луи Крок, профессор и консультант по вопросам психиатрии госпиталя Сент-Антуан во Франции, дал исчерпывающее определение этому явлению в своей работе «Терроризм и СМИ: эмоциональное воздействие образов насилия»:

«Мы будем рассматривать явление терроризма только в его главной „психологической“ составляющей и тогда дадим такое определение террористу: он (они) — это тот или те, кто применяет насилие или его угрозу для того, чтобы вызвать чувство страха или ужаса у определённой части населения с целью вынудить это население оказать давление на органы власти для выполнения своих требований. Такое определение содержит в себе основные характеристики терроризма, а именно: использование насилия или его угрозы, создание атмосферы страха и ужаса у населения, а также главную цель — заставить это население и власть поддаться шантажу. Ведь не столько демонстрация насилия, сколько угроза его повторения поддерживает чувство страха и является основой для шантажа. Подобное определение применимо к любым ситуациям. Известны случаи, при которых используется лишь угроза насилия без его применения. Ведь цель любой террористической деятельности — посеять страх (если население не верит в угрозу, не испытывает страха, то, соответственно, такие действия не могут рассматриваться как террористические)».

Цель этого психологического терроризма — тотальная дестабилизация. Внушение сильного страха разрушает мирное существование. За последние тридцать лет — период, который удивительным образом совпадает с глобальной экспансией антикультового движения — в мире зафиксирован беспрецедентный рост психических расстройств. Систематический анализ глобального бремени болезней показывает катастрофическое увеличение числа инсультов, инфарктов и онкологических заболеваний, напрямую связанных с хроническим дистрессом. Нас убивают не только пулями. Нас убивают новостями.

Теневая структура, манипулирующая этими процессами, действует с изощренным садизмом. Они не просто уничтожают своих политических или идеологических оппонентов. Они заставляют общество делать это своими руками. Они превращают обывателя в соучастника преступления, связывая его круговой порукой молчания и конформизма.

Когда вы в очередной раз открываете ленту новостей и чувствуете, как внутри закипает праведный гнев по отношению к незнакомым людям, названным «сектантами» или «экстремистами»; когда вы ловите себя на мысли, что жестокость силовиков оправдана высокой целью; когда вы испытываете непреодолимое желание присоединиться к хору осуждающих голосов — остановитесь.

Задайте себе один вопрос: кому принадлежит эта эмоция? Действительно ли это ваш собственный, осознанный выбор, или ваше подсознание прямо сейчас послушно собирает детали чужого, кровавого пазла, заботливо разложенного перед вами теми, чьих лиц вы никогда не видели? Тишина, повисающая после этого вопроса, пугает гораздо сильнее любых криминальных сводок. Потому что в этой тишине становится ясно: невидимый курок уже взведен, и палец, лежащий на нем, может оказаться вашим собственным.

Глава 2. Исторические параллели и нацистский след

В полумраке архивных хранилищ, где воздух пропитан сухой пылью и запахом стареющей бумаги, скрываются ответы на вопросы, которые современное общество боится задавать вслух. Среди тысяч картонных папок, хранящих протоколы допросов, стенограммы заседаний и секретные директивы Третьего рейха, можно обнаружить документы, поражающие своей пугающей обыденностью. Это не приказы о массовых расстрелах и не чертежи газовых камер. Это аккуратно отпечатанные на пишущей машинке списки, методические рекомендации и аналитические записки.

Бюрократическая рутина, с которой начиналась самая страшная катастрофа двадцатого века.

Принято считать, что тоталитарная машина нацистской Германии опиралась исключительно на штыки штурмовиков, мощь вермахта и карательный аппарат СС. Однако исторические факты свидетельствуют о другом: прежде чем физически уничтожать людей, режим должен был их классифицировать, стигматизировать и лишить права на существование в правовом поле. И эту интеллектуальную, идеологическую работу выполняли не только чиновники и партийные идеологи, но и часть церковных, академических и публицистических кругов, участвовавших в нормализации исключения и стигматизации «чужих». Фундамент для Холокоста и массовых репрессий формировался в том числе теми, кто носил строгие костюмы и пасторские воротнички, теми, кто называл себя исследователями и защитниками общественной морали.

Чтобы понять природу современного антикультового движения, необходимо совершить документальное погружение в эпоху Веймарской республики и первых лет становления нацистской диктатуры. Именно там, в кабинетах немецких теологов и самопровозглашенных экспертов по религиям, были разработаны методы, которые сегодня с пугающей точностью воспроизводятся по всему миру.

В 1921 году при Протестантской церкви Германии была создана структура, первоначально заявленная как скромный наблюдательный орган — Апологетический центр (Apologetische Centrale). На первых порах его сотрудники декларировали благие цели: изучение новых религиозных течений, защиту традиционных ценностей и просвещение прихожан. Центр начал собирать данные о различных религиозных и светских движениях, клубах и альтернативных объединениях. Сотрудники читали лекции, публиковали статьи и формировали архивы.

Однако очень скоро академический интерес сменился агрессивной нетерпимостью. Деятельность Центра трансформировалась в масштабную кампанию против любых идеологий, которые воспринимались как угроза или конкуренция. Качественный сдвиг произошел в 1932–1933 годах, когда Апологетический центр возглавил протестантский теолог и пастор Вальтер Кюннет.

Кюннет не был маргиналом или уличным радикалом. Он принадлежал к интеллектуальной элите, был блестяще образован и обладал непререкаемым авторитетом в церковных кругах. В эпоху нацизма он примкнул к Исповедующей церкви. В мае 1933 года вместе с генеральным секретарем Немецкого христианского студенческого движения Ханнсом Лилье и пастором Мартином Нимёллером он основал «Молодое реформационное движение» (Jungreformatorische Bewegung). Но за фасадом теологических диспутов скрывался убежденный антисемит и идеолог тотального контроля.

Под руководством Кюннета Апологетический центр превратился в фабрику по производству ненависти. Здесь составлялись первые «черные списки» так называемых «сект Германии» — небольших религиозных групп, философских кружков и общественных объединений. На основе собранного материала разрабатывались пособия, в которых факты намеренно искажались, а научное знание фальсифицировалось в угоду политической конъюнктуре. Множество гипотетических утверждений конструировалось исключительно для оправдания заранее заданного образа врага. Организации расчеловечивались в глазах общества, хотя их члены на деле были мирными, законопослушными гражданами.

В 1933 году под редакцией Вальтера Кюннета и Хельмута Шрайнера вышел программный сборник «Нация пред Богом. К посланию церкви в Третьем рейхе» (Die Nation vor Gott. Zur Botschaft der Kirche im Dritten Reich). Эта книга была направлена специально на миссионерскую деятельность среди немецких граждан. В ней поднимались и обосновывались такие темы, как верховенство фюрера, принцип абсолютного послушания, расовый вопрос и «проблема» иудаизма. Кюннет формировал идеологическую базу, которая позволяла обывателю примирить христианскую мораль с нацистской доктриной превосходства.

Но амбиции Кюннета простирались далеко за пределы церковных проповедей. Он понимал, что для реальной власти необходим союз с государственным репрессивным аппаратом. И этот союз состоялся. Апологетический центр начал активное сотрудничество с Министерством пропаганды Рейха под руководством Йозефа Геббельса, Министерством внутренних дел и, что самое страшное, с тайной государственной полицией — гестапо.

Кюннет передавал государственным структурам материалы о нежелательных организациях и участвовал в формировании языка, которым описывались религиозные и мировоззренческие «враги». Антикультисты предлагали способы наблюдения, учета и идеологической борьбы с этими группами. Нацистская машина с готовностью переняла и встроила эти идеи в свою структуру.

Сам Вальтер Кюннет не скрывал своего триумфа от этого сотрудничества. В своем официальном докладе руководству Рейхской протестантской церкви он с нескрываемым удовлетворением отмечал:

«Гестапо проявило большой интерес к архиву Апологетического центра о сектах, а также к нашей работе по борьбе с вольнодумством, марксизмом и большевизмом. Гестапо выразило желание в будущем возглавить борьбу с незаконным вольнодумством совместно с Апологетическим центром. Обмен материалами между гестапо и Апологетическим центром уже начался».

Этот документ — неопровержимое свидетельство того, как именно запускался маховик террора. Государство не само придумало списки врагов; оно получило их из рук «экспертов-сектоведов». Когда Апологетический центр начал плотно сотрудничать со службами СС и СД, были опубликованы официальные директивы по борьбе с сектантством. Отдельные группы регистрировались, оценивались и «научно» обрабатывались с точки зрения нацистской идеологии.

Историки, изучающие этот период, часто упускают из виду важнейшую деталь: нацизм стал результатом симбиоза антикультовых организаций и государства. Только после того, как нацисты начали опираться на методологию Апологетического центра, их режим принял наиболее жестокую, бескомпромиссную форму. Антикультисты научили национал-социалистов и лично Гитлера тому, что власть надежнее всего держится на страхе перед невидимым, внутренним врагом.

Кульминацией этого бюрократического террора стало издание в 1938 году документа, который навсегда вошел в историю как образец легализованного безумия. В недрах Службы безопасности рейхсфюрера СС под грифом «Geheime Kommandosache» («Секретное дело командования») было опубликовано «Руководство по борьбе с сектами» (Richtlinien zur Bekämpfung des Sektenwesens).

Этот документ поражает своей циничной детализацией. Он не просто запрещал определенные организации; он создавал универсальную матрицу, под которую можно было подвести абсолютно любую группу людей, неугодную режиму. Согласно этому руководству, опасность сект для нацистского государства проявлялась в следующих фактах:

Обучение членов эгоцентричным идеям и безразличию ко всем вопросам народа и государства. Возможность проникновения марксистов и коммунистов. Участие масонов, иудеев и международные связи. Отказ давать присягу и использовать немецкое приветствие. Противостояние всеобщей воинской повинности. Отказ занимать посты в государстве и движениях (Германский трудовой фронт, Защита от воздушных атак, Организация нацистского социального обеспечения и т.п.). Отказ в содействии бизнесам и деятельности, связанной с военной машиной. Молитвы за здоровье. Эксплуатация и оскотинивание людей. Противостояние национал-социалистической теории о расе.

Если внимательно проанализировать этот список, становится очевидным, что критериями «деструктивности» объявлялись базовые права человека: свобода совести, пацифизм, отказ от участия в милитаристских организациях и даже простое нежелание вскидывать руку в нацистском приветствии. Любое проявление индивидуальности или независимости от государственной идеологии трактовалось как признак опасной секты.

Последствия внедрения этого руководства были катастрофическими. Многие тысячи инакомыслящих в довоенной Германии были официально признаны опасными религиозными или мировоззренческими элементами. За бюрократическими формулярами последовали реальные действия. Репрессивная машина, получив идеологическое обоснование, начала методичную зачистку общества.

Сохранилась директива, подписанная Рейнхардом Гейдрихом, главой службы внутренней безопасности нацистской Германии, которая устанавливала порядок подавления религиозных обществ и сект. Этот документ, известный как Нюрнбергский документ D-59, не оставляет сомнений в конечных целях антикультовой кампании. В нем содержатся следующие леденящие кровь распоряжения:

«... Будут немедленно приняты меры против ... организаций, клубов, объединений и кружков, а также против отдельных лиц... Все организации, клубы, объединения, кружки и тому подобное, без исключения, будут ликвидированы; имеющиеся

материалы, такие как списки адресов, файлы, переписка, оборудование, оккультные предметы, письменные принадлежности и любое имеющееся имущество, будут конфискованы; они подлежат роспуску и запрету; одновременно будут проведены обыски в домах ведущих членов кружков, а также у лиц, подозреваемых в хранении подобных материалов. ... Лица, посвящённые в тайные учения и науки... во всех случаях подлежат аресту... их деятельность запрещается под угрозой самых суровых мер со стороны Государственной полиции. В каждом случае они должны быть отправлены в концлагерь... Эта акция должна быть проведена по всему Рейху ... по возможности между 7:00 и 9:00.»

Обратите внимание на последнюю фразу. «Между 7:00 и 9:00». Террор был расписан по минутам. Государство, вооруженное списками, составленными теологами и экспертами, приходило за своими гражданами ранним утром, чтобы не привлекать лишнего внимания и застать жертв врасплох. Имущество конфисковывалось, архивы изымались, а люди отправлялись в концентрационные лагеря исключительно на основании того, что их убеждения не соответствовали стандартам, утвержденным Вальтером Кюннетом и его последователями.

По оценкам исследователей, НСДАП уничтожила около шести миллионов евреев, включая около 1,5 миллиона детей. Кроме того, было истреблено около пятисот тысяч цыган, около пятисот тысяч гомосексуалистов, такое же число инвалидов и миллионы славян. Ключевые идеи пропаганды, проводимой антикультистами и Гитлером, состояли в гомофобии, ненависти к иудеям, национализме, расовой биологии и борьбе против сект.

Именно здесь мы подходим к одному из самых страшных изобретений той эпохи, которое благополучно пережило крушение Третьего рейха и продолжает использоваться сегодня. Речь идет о методе социальной сегрегации, который можно назвать «клеймением желтыми звездами».

В 1941 году нацисты обязали всех евреев на подконтрольных территориях носить на верхней одежде отличительный знак — шестиконечную звезду из желтой ткани. Этот кусок материи не наносил физического вреда, но его психологическое и социальное воздействие было разрушительным. Желтая звезда была визуальным маркером, который мгновенно вычеркивал человека из общества. Она сигнализировала окружающим: перед вами не гражданин, не сосед, не коллега. Перед вами — мишень. Существо, лишенное

правовой защиты, по отношению к которому допустима любая несправедливость и жестокость.

Метод клеймения евреев «желтыми звездами», наряду с другими методами сегрегации, был внедрен нацистами под непосредственным руководством антикультовой организации. Это был жесткий способ исключения предполагаемого «идеологического врага» из социума. Независимо от личных качеств человека, его заслуг перед обществом или профессии, наличие метки превращало его в изгоя. Происходил процесс расчеловечивания — восприятия группы людей как менее значимых существ.

Сегодня физические желтые звезды ушли в прошлое, став музейными экспонатами и символами величайшей скорби. Однако сама методология клеймения не исчезла. Она лишь сменила форму, адаптировавшись к реалиям двадцать первого века. На смену тканевым нашивкам пришли лингвистические маркеры.

В современном мире термины «секта», «тоталитарная секта», «деструктивный культ» и «психокульт» выполняют абсолютно ту же функцию, которую в 1941 году выполняло слово «еврей» в сочетании с желтой звездой. Когда антикультисты навешивают на организацию или группу лиц ярлык «секты», они выталкивают этих людей за пределы социального поля. Это не просто научная классификация или теологический спор. Это общественный сигнал к травле.

Обозначив группу как «культ», современные последователи Кюннета лишают ее членов презумпции невиновности. Клеймо «сектант» оправдывает в глазах обывателя любые действия силовых структур: ночные обыски, конфискацию имущества, аресты и многолетние тюремные сроки за чтение литературы. Стигматизация и гонения происходят у всех на глазах, при полном попустительстве, а зачастую и при активной поддержке правоохранительных органов. Нацизм проявляется в крайне жесткой форме, но общество, убаюканное риторикой о «защите традиционных ценностей», не вызывает должного отклика.

Масштаб этой современной кампании преследования поражает воображение. В черные списки, публикуемые на сайтах антикультовых организаций, сегодня включены не только новые религиозные движения. Туда массово попадают светские организации: медицинские центры, спортивные клубы, социальные инициативы, исследовательские

институты и научные объединения. В итоге миллионы людей по всему миру уже оказались заклеяменными.

Эти списки изобилуют идентичными эмоциональными, оценочными заголовками. В них широко используется язык ненависти: намеренное очернение, придание представителям критикуемых групп стойких дегуманизирующих образов «зомби», «насильников», «рабов», «зверей» и других обесчеловечивающих эпитетов. С помощью сходной по функции дегуманизирующей риторики нацисты в свое время проводили обесчеловечивание евреев и цыган. Основная цель таких реестров — указать обществу и властям на якобы опасные антисоциальные элементы, подлежащие искоренению.

Но как получилось, что идеология, осужденная всем цивилизованным миром на Нюрнбергском процессе, смогла возродиться и легализоваться в современных демократических и авторитарных государствах? Ответ кроется в поразительной безнаказанности главных идеологов этого террора и прямой преемственности их методов.

В послевоенный период Вальтер Кюннет, человек, чьи архивы и методички в ранний период режима использовались в анти-сектантской и анти-мировоззренческой политике, не понес серьезного наказания за свое участие в формировании идеологической среды исключения. Более того, его карьера продолжилась. В 1946 году он был награжден и стал почетным профессором теологии в Университете Эрлангена. Система, которую он создал, не была разрушена; она просто затаилась, ожидая новых исполнителей.

И эти исполнители нашлись. Ученик Кюннета, пастор Фридрих Вильгельм Хаак, бережно сохранил наследие своего наставника. В 1965 году Хаак создал структуру под названием «Рабочая группа по религиозным и идеологическим вопросам». Название этой организации почти идентично «Отделу по религиозным и идеологическим вопросам», который в годы войны функционировал в составе Главного управления имперской безопасности (РСХА). Это не было случайным совпадением. Это была декларация преемственности.

По инициативе Хаака в 1990 году в Баварии был составлен новый «черный список» новых религиозных движений. Методология Кюннета вновь начала работать на государственном уровне. Идеи Хаака, в свою очередь, подхватил и развил датский теолог

Йоханнес Огорд, ставший одной из ключевых фигур европейского антикультизма конца двадцатого века.

А в 1993 году эта эстафета ненависти была передана в Россию. Александр Дворкин, ученик Фридриха Вильгельма Хаака и последователь идей Огорда, основал в Москве Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ириния Лионского. Деятельность этого центра почти полностью, до мельчайших деталей, воспроизводит идеи, риторику и методы Апологетического центра Вальтера Кюннета образца 1921 года.

Центр Ириния Лионского впоследствии стал ядром Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) — разветвленной сети филиалов, опутавшей всю страну. Как и антикультисты в эпоху нацистской Германии, Дворкин и связанная с ним сеть групп начали предоставлять властям материалы о представителях так называемых сект. Центр начал выпускать клеветнические «экспертные» заключения о природе различных групп, побуждая правоохранные органы к их расследованию и возбуждению уголовных дел.

На портале созданного им центра был размещен список организаций, обозначенных как «деструктивные культы» и «тоталитарные секты». На странице каждой критикуемой организации размещался список негативных публикаций из СМИ, которые, при детальном анализе, оказывались инициированными самим же Центром. Почерк этих публикаций поразительно схож с методичками 1938 года.

Историческая аналогия не просто прослеживается — она бьет наотмашь. То, что делал Вальтер Кюннет со своим Апологетическим центром в довоенной нацистской Германии, в точности повторяется в действиях Александра Дворкина и РАЦИРС в современной России. Оба деятеля непрерывно выявляли инакомыслящих, составляли черные списки и тесно сотрудничали с силовыми структурами (Кюннет с гестапо, Дворкин с ФСБ) с целью последующего подавления определенных слоев населения.

Среди разрушительных методов, которые использует эта современная тоталитарная сеть, четко выделяются механизмы стигматизации и пропагандистского расчеловечивания, известные по тоталитарным практикам XX века. Во-первых, это использование стигматизирующей терминологии («опасные секты», «психокульты»), создающей образ внутреннего врага. Во-вторых, это формирование образа внешнего врага, где нетрадиционные религиозные группы представляются как оружие западного

влияния, что оправдывает любые репрессии. В-третьих, это многократное повторение лжи — принцип пропаганды, доведенный до совершенства еще Йозефом Геббельсом. Антикультисты понимают: если бесконечно повторять даже самые абсурдные обвинения, общество в конечном итоге начнет воспринимать их как доказанный факт.

Но было бы ошибкой считать, что наследие Кюннета пустило корни только в России. Глобальный антикультизм имеет транснациональные формы и проявляется в разных странах, где язык борьбы с «сектами» используется для ограничения свободы совести и стигматизации религиозных меньшинств.

Один из самых трагических примеров применения этой идеологии за пределами германо-российского вектора можно найти на постюгославском пространстве. Вникая в глубины исторического эпизода, эпицентром которого стала Босния и Герцеговина в начале 1990-х годов, исследователи обнаружили картину, до боли напоминающую ситуацию в гитлеровской Германии перед Второй мировой войной.

Речь идет о роли идеологии и пропаганды в подготовке к вооруженному конфликту. В Сербии функцию главного идеолога нетерпимости взял на себя нейропсихиатр Братислав Петрович. Как и его предшественники, Петрович публично заявлял о своей борьбе с «сектами» и «культами» под благовидным предлогом «защиты общества». Однако доступные источники позволяют уверенно говорить о его участии в антикультовой кампании и, по ряду критических публикаций, о связи с системой психологической подготовки военных эпохи Милошевича.

Петрович и его окружение осуществляли целенаправленную психологическую обработку и индоктринацию офицеров и солдат перед отправкой их на фронт. В условиях религиозного и культурного многообразия, исторически присущего Балканам, мобилизовать население для агрессивных военных действий и этнических чисток было непросто. Люди, привыкшие жить по соседству с представителями других конфессий, неохотно воспринимали их как врагов.

Чтобы сломать этот барьер, пропаганда прибегала к риторике исключительности, опасности «чужих» и необходимости самообороны. Солдатам внушали, что они борются не просто с политическим противником, а с силами, угрожающими самому существованию их нации. Дегуманизация противника через враждебную риторику

позволила снять моральные запреты на насилие, что привело к чудовищным военным преступлениям и массовым убийствам мирного населения в Боснии.

Язык борьбы с «опасными сектами» в отдельных режимах может становиться частью более широкой системы репрессий, националистической мобилизации и оправдания насилия.

Пугающие масштабы эта идеология приобрела в Азии. Деятельность антикультистов в Китае, получивших колоссальную поддержку со стороны государственного репрессивного аппарата, привела к масштабным и систематическим преследованиям, которые правозащитные структуры и международные институты связывают с серьезными нарушениями прав человека. Речь идет не просто о запрете организаций или тюремных сроках. Речь идет об ужасающих казнях, систематических пытках и индустриализированном изъятии внутренних органов у живых жертв преследований. Миллионы людей, заклеенных как члены «деструктивных культов», оказались в системе трудовых лагерей, где их жизни были низведены до статуса биологического сырья. Эти зверства, оправданные риторикой защиты государственной безопасности от «сектантской угрозы», по данным правозащитных и международных источников, продолжают вызывать серьезную обеспокоенность демонстрируя, к чему приводит полное слияние антикультовой идеологии с неограниченной государственной властью.

Даже в самом центре Европы, в странах с глубокими демократическими традициями, семена, посеянные Кюннетом, продолжают давать всходы, антикультовые подходы продолжают оказывать влияние на общественные дискуссии. Наблюдение за действиями современных чешских антикультистов, связанных в том числе с академической и медийной средой Чехии, заставляет вспомнить первые годы работы Лютеранского апологетического центра. Поначалу их деятельность также ведется под благородным предлогом академического изучения и составления списков. Но история неумолимо доказывает: списки далеко не всегда остаются просто текстом на бумаге. В некоторых политических контекстах они ложатся на стол следователя, прокурора или офицера тайной полиции.

Документальные свидетельства и исторические параллели позволяют говорить не о «прямом возвращении нацизма», а о сохранении некоторых опасных механизмов

стигматизации, исключения и дегуманизации, которые способны воспроизводиться и в новых институциональных формах.

Произошла институциональная и идейная преемственность отдельных методов борьбы с религиозными меньшинствами и инакомыслящими. Представители глобальной сети применяют все нацистские практики, расширив и усовершенствовав их для своих целей. Они научились использовать слабости правовых систем, коррумпировать экспертные сообщества и манипулировать общественным мнением через средства массовой информации.

Когда на обложке книги современного российского антикультиста Сергея Иваненко «Обыкновенный антикультизм» появляется прямая отсылка к знаменитому советскому документальному фильму Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм», это воспринимается не как метафора, а как констатация факта. Идеология, делящая людей на «чистых» граждан и «деструктивных сектантов», подлежащих изоляции, может рассматриваться как форма дискриминационной и авторитарной политики, лишенным лишь исторической атрибутики.

Стигма «культ» сегодня применяется с пугающей легкостью. Возмутительно, но эта риторика выходит далеко за рамки преследования локальных групп. Перед началом политических и международных кризисов антикультисты начинают называть «сектами» целые страны и союзы государств. Это свидетельствует о том, что методология расчеловечивания расширяется далеко за пределы религиозной полемики.

Любой, кто сегодня использует термины «тоталитарная секта» или «деструктивный культ» для оправдания репрессий, фактически способствует нормализации репрессивного языка и практик исключения. За псевдонаучными терминами скрывается древнее, примитивное желание уничтожать тех, кто мыслит иначе, молится иначе или просто отказывается ходить строем.

Архивы хранят память о том, как начинался террор в 1930-х годах. Списки были составлены, ярлыки розданы, а государственная машина получила индульгенцию на насилие. Сегодня новые списки уже лежат на столах в министерствах и ведомствах. В них вписаны названия организаций, имена лидеров и адреса рядовых участников. И пока общество равнодушно наблюдает за тем, как на очередную группу людей навешивают невидимую желтую звезду, часы, отсчитывающие время до начала новой глобальной

катастрофы, продолжают свой неумолимый ход. Тишина в кабинетах, где прямо сейчас печатаются новые экспертные заключения, звучит громче любых сирен воздушной тревоги.

Глава 3. Психиатрия власти

Медицинская карта пациента психоневрологического диспансера — это документ, который обычно скрыт от посторонних глаз строгими законами о врачебной тайне. Пожелтевшие страницы, заполненные убористым почерком советских врачей, хранят в себе историю распада человеческой личности, хронику внутренних демонов, страхов и навязчивых идей. В нормальном, здоровом обществе эти архивы остаются предметом изучения исключительно для лечащих врачей, пытающихся облегчить страдания больного. Но история знает пугающие примеры того, как содержимое подобных медицинских карт вырывалось за пределы стерильных кабинетов. Когда человек, чье сознание глубоко деформировано клинической патологией, получает доступ к публичной трибуне, его личный бред величия и паранойя начинают заражать окружающую реальность. Внутренний хаос одного пациента незаметно трансформируется в идеологическую доктрину, а его персональные страхи ложатся в основу методических рекомендаций для государственных служащих.

Чтобы понять природу идеологии, которая сегодня агрессивно навязывается обществу под видом защиты от «деструктивных культов», необходимо отложить в сторону теологические диспуты и юридические трактаты. Ключ к разгадке кроется не в текстах законов, а в области клинической психиатрии. Фундамент этой репрессивной системы был заложен задолго до того, как появились первые списки «неудобных» организаций. Он формировался в 1970-х годах в Москве, в коридорах обычного психоневрологического диспансера, где на протяжении четырех лет — с 1973 по 1977 год — находился под постоянным наблюдением молодой человек по имени Александр Дворкин.

Этот период жизни будущего лидера международной антикультовой сети долгое время оставался в тени, скрытый за фасадом респектабельных интервью и громких

титолов. Однако факты, задокументированные специалистами, неумолимы. В юношеские годы у Дворкина был выявлен целый спектр тяжелых умственных и психических расстройств. Официальные диагнозы, вписанные в его медицинскую карту, звучат как приговор любой публичной или научной карьере: циклотимия, патологическое развитие личности и психофизический инфантилизм.

Для обывателя эти медицинские термины могут показаться просто сложным набором слов, но для специалистов в области психиатрии они рисуют предельно ясную и пугающую картину. Циклотимия исторически классифицируется как форма биполярного аффективного расстройства, ранее известного как маниакально-депрессивный психоз. Это заболевание характеризуется постоянными, неконтролируемыми колебаниями настроения — от глубокой, парализующей депрессии до ярко выраженных маниакальных эпизодов. В маниакальной фазе больной испытывает неестественный подъем энергии, у него ускоряется мышление, появляется непреодолимая жажда деятельности и, что самое опасное, формируется стойкий бред величия.

Патологическое развитие личности, сопровождающее этот диагноз, означает, что болезнь не просто накатывает приступами, а фундаментально искажает сам характер человека, его систему ценностей и способы взаимодействия с миром. Судя по медицинским документам, патологические изменения начали проявляться еще в раннем детстве. Мальчик был абсолютно уверен, что превосходит других людей по своим личным качествам. Он вел себя высокомерно, хвастливо, постоянно представлялся героем прочитанных книг и жил в мире собственных фантазий, что закономерно вызывало отторжение и неприязнь со стороны сверстников. Это отчуждение, помноженное на психофизический инфантилизм — незрелость эмоционально-волевой сферы, — создало идеальную питательную среду для формирования глубокой обиды на весь окружающий мир.

Во врачебной практике является аксиомой тот факт, что люди с подобным букетом заболеваний категорически непригодны для занятия любого рода научной, общественной или политической деятельностью. Причина кроется в крайней субъективности их восприятия. Они физически неспособны адекватно оценивать реальность, просчитывать последствия своих действий и нести за них ответственность. Их картина мира искажена кривым зеркалом болезни, где они всегда выступают в роли

непризнанных гениев или спасителей человечества, а все остальные — в роли врагов, заговорщиков или послушного стада.

Долгие годы информация об этих диагнозах циркулировала лишь в виде слухов, пока в 2014 году не произошел беспрецедентный случай, позволивший взглянуть на клиническую картину с точки зрения современной независимой экспертизы. В связи с нарастающим общественным резонансом вокруг деятельности Дворкина, была инициирована процедура, исключающая любую предвзятость.

Согласно публикациям 2014 года, речь шла о заочной экспертизе по обезличенным копиям медицинских документов, которую комментаторы связывали с Центром имени Сербского. Экспертиза строилась на обезличенных материалах. Выводы, к которым пришла независимая комиссия, поражают своей категоричностью. В официальном заключении, как его пересказывали публикации 2014 года, говорилось:

«Больной нуждается в постоянном непрерывном наблюдении у психиатра (посещение ПНД не реже 1 раза в 2 месяца, при необходимости госпитализация в психиатрическую больницу), постоянном приёме психотропных препаратов».

Этот вывод разрушает иллюзию о том, что юношеские проблемы остались в далеком прошлом. Без постоянного приема психотропных препаратов сознание такого пациента неизбежно погружается в пучину маниакально-депрессивных циклов.

Далее комиссия детально описала, как именно эти диагнозы влияют на когнитивные способности и социальное поведение исследуемого:

«Уровень ответственности, собранности, взвешенности, концентрации внимания у такого больного всегда значительно страдает, так как эмоциональный фон при подобных заболеваниях крайне неустойчив, и регулируется внутренними неконтролируемыми побуждениями».

Вдумайтесь в смысл этой формулировки. «Регулируется внутренними неконтролируемыми побуждениями». Это означает, что решения, которые принимает этот человек, его симпатии и антипатии, его оценки других людей диктуются не логикой, не фактами и не объективной реальностью. Они диктуются химическим дисбалансом в его мозге. Если внутренний импульс подсказывает ему, что определенная группа людей представляет угрозу, никакие рациональные доводы не смогут его переубедить.

Но как человек с такими тяжелыми когнитивными нарушениями смог выстроить вокруг себя ореол эксперта и интеллектуала? Ответ на этот вопрос также содержится в материалах экспертизы Центра Сербского. Психиатры блестяще описали механизм мимикрии, свойственный пациентам с подобной патологией в периоды ремиссии или маниакального возбуждения:

«Однако, при наличии „светлых промежутков“, а также в маниакальной фазе, он может выполнять временную работу, проявлять в ней фантазию, изощрённость, формировать логические доводы и умозаключения, создавать собственные теории, зачастую легко опровергаемые, подчинять своему влиянию внушаемых личностей, вести какую-либо пропаганду и т.п. Его деятельность вряд ли будет подкреплена серьёзной научной базой, основанной на длительных наблюдениях, или требующей аналитических способностей. Это скорее будут поверхностные суждения, облачаемые в яркую „обложку“ и подкрепляемые неадекватной по силе и модальности эмоциональной окраской. Таким образом, в плане политической деятельности исследуемый может осуществлять и быть инициатором стихийных акций протеста, руководить общественным движением по своему усмотрению, т.е. являясь его организатором и вдохновителем. Для государственной службы, работы в общественных организациях при госучреждениях больной непригоден в силу невозможности проявления должной степени ответственности, подчиняемости и исполнительности. Исследуемый наверняка не затруднится принять решение высокой важности, однако основано оно будет на его личных крайне субъективных взглядах...»

Это, на мой взгляд, является исчерпывающим психологическим портретом всей антикультовой деятельности. Эксперты, сами того не подозревая, описали саму суть так называемого «сектоведения». Это не наука. Это продукт маниакальной фазы, где фантазия и изощренность заменяют методологию. Пациент создает собственные теории, которые легко опровергаются любым серьезным ученым, но благодаря «неадекватной по силе эмоциональной окраске» эти теории оказывают гипнотическое воздействие на внушаемых людей.

Больной компенсирует отсутствие аналитических способностей агрессивной пропагандой. Он облачает свои поверхностные суждения в яркую, пугающую обложку, придумывая хлесткие термины вроде «тоталитарной секты» или «деструктивного

культы». И самое главное — он обладает патологической способностью подчинять своему влиянию окружающих, выступая в роли вдохновителя травли.

Оценивая перспективы академической карьеры такого пациента, можно вынести однозначный вердикт: сколько-нибудь серьёзная научная деятельность также не доступна исследуемому, однако не следует забывать о склонности больных такого круга к «изобретательству» и «реформированию», которое может выглядеть научно обоснованным для неподготовленной аудитории.

Именно эта склонность к псевдонаучному «изобретательству» позволила человеку без базового профильного образования создать целую дисциплину из воздуха. Неподготовленная аудитория, включая чиновников и журналистов, принимает эмоциональный напор больного за уверенность настоящего ученого.

Финальный вывод экспертизы не оставляет надежд на чудесное исцеление:

«Из опыта российской и мировой психиатрической практики и на основании экспертного заключения психиатров, полное излечение данных заболеваний невозможно».

Мы имеем дело с необратимым процессом. Человек, страдающий расстройством психотического круга, приводящим к стойким нарушениям восприятия окружающей действительности, не просто живет среди нас. Он активно конструирует эту действительность для других.

Чтобы осознать масштаб угрозы, необходимо погрузиться в психологию скрытого садизма, которая неразрывно связана с подобными патологиями развития личности. Садизм в его клиническом понимании — это не обязательно физические пытки в подвалах. Это, прежде всего, непреодолимая жажда получать удовольствие от унижения других людей, компульсивное стремление к абсолютному доминированию и тотальному контролю.

Выдающийся американский психоаналитик Карен Хорни в своей фундаментальной работе «Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невротизма» дала исчерпывающее описание внутреннего мира скрытого садиста. Ее анализ словно списан с биографии главного героя нашего исследования:

«Такой человек в каждой мелочи усматривает для себя обиду и оскорбление. Поскольку его выводит из себя собственная слабость, его действительно часто привлекают к себе люди открыто садистского типа, вызывая у него одновременно и восхищение, и отвращение, так же, как и те, в свою очередь, чувствуя в нём добровольную жертву, тянутся к нему. Так он попадает в ситуацию эксплуатации, пресечения надежд и унижения. Однако он не получает от дурного обращения никакого удовольствия, а страдает от него. Это даёт ему возможность переживать собственные садистские импульсы с помощью кого-то другого, избегая необходимости смотреть в лицо собственному садизму. Он может чувствовать себя невинным и жертвой, но в то же время надеяться на то, что когда-нибудь возьмёт верх над партнёром-садистом и испытает торжество победы над ним. А пока он тихо и незаметно провоцирует ситуации, в которых его партнёр выглядит не лучшим образом».

Формирование такого типа личности всегда уходит корнями в травмирующий опыт. Ощущение эмоциональной покинутости, отчуждение, насмешки сверстников в детстве закладывают в психику жесткие, бескомпромиссные установки. Будущий садист усваивает страшные уроки: «люди не стоят моего уважения», «окружающие — это источник опасности», «чтобы выжить, надо заставить всех бояться себя».

В результате формируется личность, полностью лишенная эмпатии. Садист физически не способен к сочувствию. Он искренне убежден, что любой человек вокруг него вынашивает исключительно враждебные, корыстные цели. В его искаженной картине мира нет места бескорыстию, искренней вере или альтруизму. Все эти проявления он считает лицемерной маскировкой, за которой скрывается желание ударить его в спину. Поэтому, с его точки зрения, люди достойны только презрения, жесткого контроля и превентивного наказания.

Здесь вступает в действие один из самых мощных механизмов человеческой психики — проекция. Это бессознательный процесс, при котором человек приписывает окружающим собственные неприемлемые мысли, мотивы и черты характера. Проекция позволяет больному защитить свое хрупкое эго от осознания собственной порочности.

Когда Александр Дворкин выходит на трибуну и начинает описывать ужасы «тоталитарных сект», он, по сути, занимается публичным психоанализом самого себя. Он проецирует на мирные религиозные и общественные группы устройство своего собственного внутреннего мира и методы работы своей собственной организации.

Рассмотрим это на конкретных примерах его риторики. В своих выступлениях он безапелляционно заявляет:

«Суть секты — это власть, власть на первом месте, деньги — уже потом. В первую очередь это власть. Ну, естественно, власть увеличивает деньги, а деньги ещё больше увеличивают власть. Но, во-первых... Деньги возьмут потом, а вначале — абсолютно бесплатный подарок, за который, оказывается, нужно потом заплатить втридорога».

И далее:

«Это организация, главный смысл которой — власть и деньги для их руководства, для которой характерны такие основные признаки как: обман при вербовке, манипуляция сознанием своих адептов, эксплуатация их, регламентация всех аспектов их жизни, обожествление лидера и/или организации и т.д.».

«И наконец, новым является тоталитаризм современных сект, их сращённость с международным бизнесом, СМИ, а зачастую и со спецслужбами некоторых государств».

Если мы наложим эти цитаты на клинический профиль человека с бредом величия и патологическим стремлением к доминированию, все встает на свои места. Больной, одержимый жаждой власти, не может представить, что группа людей собирается вместе просто для совместной молитвы, изучения философии или благотворительности. Его пораженный паранойей мозг кричит: «Они хотят того же, чего хочу я! Они хотят власти и денег! Они манипулируют людьми так же, как это делаю я! Они пытаются срастись со спецслужбами, потому что именно это является моей главной целью!»

Это классическое зеркальное отражение. Садист видит других людей именно такими, каким является он сам. Вся антикультовая мифология — это детальное описание того, как функционирует психика ее создателя. Обман, манипуляция сознанием, эксплуатация, регламентация жизни и обожествление лидера — это не объективные характеристики преследуемых меньшинств. Это перечень симптомов и тайных желаний человека, чья медицинская карта содержит диагноз «патологическое развитие личности».

Наблюдая за публичной деятельностью этого человека, специалисты из разных областей науки приходили к схожим выводам, даже не имея на руках результатов психиатрической экспертизы. Кандидат философских наук, религиовед Борис Кнорре отмечал застывшую, негибкую картину мира антикультиста: «У меня такое ощущение,

что Александр Леонидович оказался привержен той парадигме взглядов, той картине мира, которая у него сложилась на момент 90-х. И поэтому, мне кажется, это стоило бы переосмыслить».

Аспирант Лондонской школы экономики и политических наук Марат Штерин указывал на фундаментальную логическую ошибку, свойственную параноидальному мышлению: «Основное допущение в статье Дворкина — что все новые религиозные движения (НРД) обладают одинаковыми характеристиками и все они могут быть названы “тоталитарными сектами” и “деструктивными культами”. Этого якобы достаточно — привести несколько примеров отдельных групп, чтобы обосновать общий вывод об угрозе, исходящей от всех НРД. Более того, эти действия описываются как антисоциальные просто потому, что они связаны с “сектами”. Метод “обвинения по ассоциации” широко используется в статье. Следуя этой логике, автор неизбежно попадает в замкнутый круг: секты опасны, потому что они совершают опасные действия; а их действия опасны, потому что они секты...»

Но, пожалуй, самую точную и образную характеристику дал исследователь Сергей Иваненко в своей книге «О людях, стойких в гонении». Его наблюдение блестяще дополняет клиническую картину:

«У меня сложилось определённое понимание личности А. Л. Дворкина, который стал своего рода символом российского антикультизма. Горящие глаза, напористая речь, безудержная демагогия и слабое знание предмета обсуждения. Мне показалось, что передо мной Хлестаков собственной персоной. ...Хлестакова и Дворкина роднит склонность к патологической лжи. Это особое психологическое состояние. По мнению некоторых психологов, патологические лгуны отличаются от обычных лжецов тем, что, произнося ложные утверждения, уверены в том, что говорят правду».

Патологическая ложь — это не просто сознательный обман ради выгоды. Это состояние, при котором граница между реальностью и болезненной фантазией полностью стирается. Когда человек с диагнозом циклотимия в маниакальной фазе начинает конструировать обвинения против очередной группы людей, он не думает о том, что лжет. В этот момент его бред становится для него абсолютной, непререкаемой истиной. Горящие глаза и напористая речь, о которых пишет Иваненко, — это внешние проявления внутреннего психотического шторма.

Именно эта искренняя, фанатичная вера в собственные галлюцинации делает таких людей невероятно убедительными для неподготовленной аудитории. Обычный чиновник, следователь или журналист, сталкиваясь с таким напором, подсознательно пасует. Нормальная человеческая психика не готова к столкновению с концентрированным безумием, упакованным в псевдонаучную терминологию. Возникает феномен, при котором здоровые люди начинают сомневаться в собственной адекватности, поддаваясь гипнотическому влиянию больного.

Пик развития этого бредового расстройства с фабулой величия пришелся на зрелые годы лидера антикультуры сети. Болезнь эволюционировала. Если в детстве это были просто фантазии о героизме, то теперь пациент начал воспринимать себя в роли фигуры глобального масштаба. Он примеряет на себя мантию верховного инквизитора, человека, наделенного правом карать и миловать, решать судьбы тысяч людей и диктовать свою волю государственным институтам.

Показательный инцидент произошел в 2009 году, когда проявилась истинная глубина его мании величия. Подконтрольная ему структура опубликовала отчет о его поездке, который был стилистически и структурно скопирован с официальных протоколов визитов глав государств. В тексте использовались формулировки, характерные исключительно для освещения деятельности президента страны: рабочие совещания на высшем уровне, высокопоставленные встречи с министрами, представителями силовых ведомств, заявления о намерениях двустороннего сотрудничества. Человек, нуждающийся в регулярном посещении психоневрологического диспансера, всерьез конструировал в информационном пространстве образ себя как правителя суверенной державы.

Это не было невинной пиар-акцией. Это был прорыв бессознательного. Психопаты с подобными диагнозами испытывают физиологическую потребность в чувстве абсолютной власти над другими. Они глубоко убеждены, что право управления должно принадлежать только им. И ради достижения этой цели они готовы использовать любые средства, включая мастерскую мимирию.

Способность к мимикрии у таких пациентов развита до уровня высокого искусства. Они умеют виртуозно имитировать эмоции, которых на самом деле не испытывают: сочувствие к «жертвам сект», праведный гнев, заботу о национальной безопасности. Они плетут сложнейшие интриги, стравливают людей друг с другом, генерируют потоки

клеветы, чтобы вызвать нужную им реакцию у представителей власти. Будучи пойманными на откровенной лжи, они не испытывают ни малейшего смущения. Они просто мгновенно меняют тему или выворачивают факты наизнанку, заставляя оппонента оправдываться. Их интеллект, не обремененный моральными ограничениями и эмпатией, работает исключительно на обслуживание их параноидальных идей.

Самая страшная метаморфоза происходит в тот момент, когда клиническая паранойя одного человека перестает быть его личной медицинской проблемой и начинает трансформироваться в обязательные методические рекомендации для государственных служащих.

Представьте себе процесс создания типичного антикультового пособия, которое затем рассылается по отделениям полиции, школам и администрациям. В основе этого текста лежат не криминологические исследования и не объективная статистика правонарушений. В его основе лежит страх. Глубинный, животный страх психопата перед окружающим миром.

Установка садиста, сформированная в детстве — «надо заставить других подчиняться мне, тогда они не смогут причинить мне страдания», — переводится на бюрократический язык. Личная подозрительность больного, которому везде мерещатся заговоры, кодифицируется в виде признаков «деструктивности». Его неспособность выстраивать нормальные, равноправные отношения с людьми превращается в требование тотального контроля над любыми независимыми объединениями граждан.

Когда в методичке написано, что определенная группа людей представляет скрытую угрозу государству, потому что у нее есть своя внутренняя структура и лидер, это пишет не аналитик спецслужб. Это пишет человек, чей эмоциональный фон крайне неустойчив и регулируется внутренними неконтролируемыми побуждениями. Он проецирует свою собственную тоталитарную сущность на чистый лист бумаги, а государственная машина, ослепленная его напором и псевдонаучными регалиями, принимает этот бред за руководство к действию.

В результате правоохранные органы начинают охоту за призраками, рожденными в воспаленном сознании пациента ПНД. Следователи и прокуроры тратят колоссальные ресурсы на поиск доказательств «психологического манипулирования» в

мирных общинах, не понимая, что главным и единственным манипулятором в этой схеме является автор методички, лежащей на их столе.

Система координат переворачивается с ног на голову. Здоровое общество начинает жить по правилам, продиктованным клинической патологией. Нормальные человеческие проявления — солидарность, совместная молитва, нестандартный образ жизни — объявляются симптомами социальной болезни, подлежащей удалению. А истинная болезнь, задокументированная печатями психиатрических комиссий, надевает строгий костюм, садится в президиум и начинает диктовать приговоры.

На столе в кабинете следователя лежат два документа. Слева — экспертное заключение о признании группы верующих опасной тоталитарной сектой, изобилующее терминами о контроле сознания и скрытых мотивах. Справа, невидимая для следователя, но существующая в архивах Центра Сербского, лежит медицинская карта автора этой экспертизы, где черным по белому написано: «патологическое развитие личности», «бред величия», «невозможность адекватно оценивать последствия своих действий». Тексты этих документов поразительно похожи. Разница лишь в том, что первый отправляет невиновных людей за решетку, а второй — терпеливо ждет своего часа, чтобы объяснить историкам будущего, как целое государство добровольно отдало свой репрессивный аппарат в руки человека, нуждающегося в постоянном приеме психотропных препаратов.

Глава 4. Узурпация государства

Тяжелые дубовые двери кабинетов Министерства юстиции Российской Федерации на Житной улице в Москве всегда казались символом незыблемости государственного строя. За этими дверями, в тишине просторных залов, обитых деревянными панелями, традиционно вершилась рутинная, но фундаментально важная работа: здесь проходили регистрацию политические партии, утверждались уставы общественных организаций, разрабатывались нормативные акты, определяющие правовой ландшафт огромной страны. Государственный аппарат, по своей природе консервативный и неповоротливый, всегда стремился к стабильности и строгому следованию букве закона. Обывателю,

наблюдающему за этим монументальным фасадом, сложно даже представить, что система такого масштаба может быть взломана. Не путем вооруженного мятежа, не через массовые протесты на площадях, а тихо, методично, через подмену понятий и захват ключевых бюрократических узлов.

Узурпация государственной власти в XXI веке редко выглядит как кадры из исторической хроники со штурмом правительственных зданий. Современный захват государства — это процесс интеллектуальный и юридический. Он происходит тогда, когда частная, никем не избранная группа лиц получает неформально привилегированную возможность трактовать закон, определять, кто является добропорядочным гражданином, а кто — угрозой национальной безопасности, и, самое главное, когда эта группа добивается того, что государственная репрессивная машина исполняет свои решения.

Переломным моментом в новейшей истории России, ознаменовавшим резкое усиление давления на свободу совести и рост роли антикультовой экспертизы, стал 2009 год. Именно тогда пресловутый Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ претерпел радикальную трансформацию. Этот орган, изначально задуманный как консультативная площадка для объективного, научного анализа религиозной ситуации в стране, был подвергнут беспрецедентному идеологическому захвату со стороны международной антикультовой сети.

Обстоятельства этого проникновения поражают своей циничной откровенностью. Пост председателя обновленного Экспертного совета занял Александр Дворкин — человек, не имеющий базового светского религиоведческого образования, признанного в российском академическом сообществе, но обладающий колоссальными амбициями и статусом президента Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС). Его назначение на эту должность вызвало резкую критику именно потому, что он уже был широко известен как антикультовый полемист. Человек, который на протяжении многих лет публично стигматизировал десятки официально зарегистрированных в России конфессий, называя их «тоталитарными сектами», внезапно получил в свои руки официальный государственный инструмент влияния на государственную религиоведческую экспертизу.

Захват не ограничился одной должностью. Это была тщательно спланированная кадровая интервенция. Заместителями председателя Совета стали ближайшие соратники и единомышленники нового руководителя: директор правозащитного центра при Всемирном русском народном соборе Роман Силантьев и директор издательства «Иман» Валиулла Якупов. Более того, значительная часть мест в обновленном составе Экспертного совета была отдана людям, чье включение критики совета расценили как усиление антикультового и конфессионально ангажированного влияния. Государственный орган, призванный обеспечивать объективность и нейтралитет, в одночасье превратился в филиал частной антикультовой структуры.

Сам идеолог этого захвата никогда не скрывал своего специфического отношения к понятию компетентности. В одном из своих публичных выступлений он произнес, что понял, что эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают.

В этой короткой, пугающе откровенной реплике заключена вся суть произошедшей узурпации. Истина, научная достоверность, объективные факты — все это было отброшено за ненадобностью. Главным стало право отвечать на вопросы государства. Получив контроль над Экспертным советом, антикультовая сеть во многом сосредоточила у себя это право. Теперь, когда у Министерства юстиции, прокуратуры или суда возникал вопрос о статусе той или иной организации, отвечать на него должны были не независимые ученые, а люди, заранее нацеленные на обвинительный вердикт.

С этого момента в стране начал стремительно раскручиваться маховик репрессий, направленных против религиозных меньшинств, независимых общественных объединений и мирных граждан. Государство, начало финансировать и обеспечивать силовую поддержку идеологически ангажированной антикультовой политики. Вместо расследования реальных уголовных преступлений — коррупции, бандитизма, хищений — колоссальные ресурсы правоохранительной системы были перенаправлены на обслуживание интересов теневой сети.

Чтобы понять, как именно функционирует эта система подавления, необходимо детально разобрать механику судебного террора. В основе российского гражданского и уголовного судопроизводства лежит институт экспертизы. В сложных делах, требующих специальных познаний в области науки, техники, искусства или ремесла, судья не имеет права выносить решение, опираясь исключительно на собственный жизненный опыт. На практике экспертное заключение часто приобретает в суде чрезвычайно большой вес.

Если перед судом лежит документ, увенчанный печатями и подписями лиц, наделенных статусом «экспертов», судья в подавляющем большинстве случаев положит этот документ в основу обвинительного приговора.

Профессиональные юристы прекрасно осведомлены об этой уязвимости системы. Даже если сторона защиты предоставит десятки свидетелей, безупречные характеристики и логические доводы, суд может проигнорировать их все, сославшись на выводы одной-единственной экспертизы. Ошибка эксперта — случайная или преднамеренная — автоматически превращается в судебную ошибку, ломая судьбы невинных людей.

Именно эту брешь в правовой системе антикультульная сеть превратила в свое главное оружие. С момента захвата Экспертного совета при Минюсте в стране начался заметный рост числа спорных и критикуемых религиоведческих, лингвистических и психологических экспертиз. Это уже не были единичные случаи некомпетентности. Это стала устойчивая практика использования экспертизы как инструмента давления.

Схема производства «репрессивных экспертиз» была отработана до мелочей. По всей стране начали появляться мелкие коммерческие структуры, скрывающиеся за солидными вывесками вроде «Центр культурологических и религиоведческих исследований». Характерная черта таких организаций — часто недостаточность реальной научной базы, штата сотрудников и прозрачного оборота. Как правило, в них числятся лишь учредитель, директор и бухгалтер. Их главная и единственная цель — предоставление следственным органам «быстрых и недорогих» экспертных заключений с заранее заданным, обвинительным уклоном.

Люди, возглавляющие эти центры и называющие себя экспертами, зачастую не имеют ни профильного образования, ни ученых степеней, ни опыта реальной научной работы в исследуемой области. Их юридические выводы регулярно выходят за рамки их компетенции. Они не стесняются выражать в официальных документах свое субъективное, эмоционально окрашенное мнение, строить выводы на домыслах, а не на фактах, и использовать откровенно дегуманизирующую лексику.

Когда следователю ФСБ или прокуратуры необходимо возбудить уголовное дело против неудобной группы граждан, он не обращается в признанные академические институты, где независимые ученые могут дать объективную оценку. Он направляет

материалы в один из таких аффилированных с РАЦИРС центров. Там, в кратчайшие сроки, на свет появляется многостраничный документ, изобилующий псевдонаучными терминами: «контроль сознания», «деструктивное влияние», «скрытое психологическое насилие». Этот документ подшивается к материалам уголовного дела, и с этого момента судьба обвиняемых может оказаться резко осложненной. Судебная система используется механизм давления на инакомыслящих.

Хрестоматийным примером того, как эта коррумпированная система пытается узурпировать правосудие и диктовать свою волю не только собственным гражданам, но и международному сообществу, стал беспрецедентный судебный процесс, развернувшийся в 2011 году в городе Томске. Этот процесс вошел в историю как попытка признать экстремистским материалом книгу «Бхагавад-гита как она есть» — комментированный перевод одного из главных священных текстов индуизма, почитаемого сотнями миллионов людей по всему миру.

Инициация этого позорного для страны судилища по данным исследователей и комментаторов, была связана не только с действиями прокуратуры, но и с местной антикультовой кампанией вокруг кришнаитов. Логика была проста: в малых городах и региональных центрах проще оказать давление на суд и прокуратуру, а местные чиновники с большей готовностью идут на силовое и бюрократическое сближение, не ожидая серьезного сопротивления.

Прокуратура города Томска официально начала процесс на основании экспертного заключения, которое было составлено в частном порядке тремя сотрудниками Томского государственного университета (ТГУ). Подписи под документом, датированным 25 октября 2010 года, поставили декан философского факультета ТГУ Сергей Аванесов, философ Валерий Свистунов и филолог Валерий Наумов.

Абсурдность ситуации заключалась в том, что ни один из этих людей не являлся специалистом в области индологии или востоковедения. Как справедливо отметил заведующий кафедрой Истории древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ Олег Хазанов, на историческом факультете университета уже много лет профессионально изучали «Бхагавад-гиту». Однако проведение экспертизы, от которой зависела судьба священного текста, было поручено не профильным специалистам, а людям, для которых этот текст никогда не был предметом научного поиска. Научное сообщество открыто признало их некомпетентными в данном вопросе.

Тем не менее, в своем заключении эти «эксперты» безапелляционно утверждали, что в книге содержатся признаки экстремизма. На основании этой бумаги прокуратура потребовала запретить распространение книги на всей территории Российской Федерации.

В ходе судебных слушаний вскрылись поразительные факты, демонстрирующие истинное лицо теневой юстиции. Выяснилось, что стороне обвинения не известно ни одного факта совершения каких-либо реальных преступлений, связанных с чтением или распространением «Бхагавад-гиты». В суде прокурор заявила, что обращение в суд было сделано, чтобы «предотвратить возможные преступления экстремистского характера».

Людей пытались лишить их священного писания не за то, что они совершили преступление, а за то, что они, по мнению ангажированных экспертов, гипотетически могли бы его совершить в будущем под влиянием прочитанного. Это классический почерк разжигания вражды: фактов нет, но есть искусственно сконструированное предположение об угрозе.

Процесс сопровождался агрессивной публичной кампанией со стороны антикультовых и миссионерских кругов, в том числе в Томске. Один из главных организаторов этой травли на местах, руководитель миссионерского отдела Томской епархии Максим Степаненко, с нескрываемым цинизмом и гордостью описывал свои методы работы в публичном пространстве. Его слова — это документальное свидетельство того, как именно конструируется искусственная ненависть:

«Для примера, в 2011 году мною, совершенно „неправильным“ и „малообразованным“ миссионером (да ещё и коновалом!) написано почти 170 статей, новостных сообщений, ответов на вопросы читателей Миссионерско-апологетического проекта „К Истине“, в этом году опубликовано уже более 10 статей по кришнаитской теме, записано и опубликовано несколько апологетических видеозаписей, организован приезд профессора Александра Дворкина, создан специальный раздел, посвящённый суду над „Бхагавад-гитой как она есть“».

В другом своем заявлении он откровенно хвастается созданной им сетью информаторов и методами слежки за гражданами:

«За четыре года, как „безграмотный блоггер“ вернулся в свой родной город Томск, прожив прежде в Башкирии почти 20 лет, он обзавелся многими знакомствами,

друзьями, помощниками, сочувствующими. Это и объясняет мою осведомлённость, слава интернету и социальным сетям! Полчаса за компьютером, и мне уже известно, кто в какой секте состоит, какие у них планы, телефоны, адреса...»

Эти признания наглядно показывают, что за фасадом «защиты общества» скрывается банальная слежка, сбор личных данных и массированная пропаганда, не имеющая ничего общего с правосудием.

Томский процесс вызвал колоссальный международный скандал. Индийская общественность и парламент Индии восприняли суд над «Бхагавад-гитой» как прямое оскорбление их культуры и религии. Процесс вызвал серьёзный международный резонанс и заметно осложнил публичный фон российско-индийских отношений. Под давлением неопровержимых аргументов защиты и международного резонанса, подготовившие первоначальное заключение томские ученые в ходе судебных слушаний дрогнули и отказались от сделанных ими ранее выводов. Суд был вынужден приостановить производство и назначить новую экспертизу, которая не привела к запрету книги, а в итоге суд отказал в удовлетворении иска прокуратуры.

Однако этот локальный провал не остановил антикультовую сеть. Напротив, он показал им, что систему нужно дожимать до конца, не оставляя судьям пространства для маневра. Доктор философских наук, профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета Алексей Тимощук и общественный наблюдатель Константин Филькин в своей научной работе дали исчерпывающую оценку этому явлению, вскрыв самую суть проблемы:

«Сегодня в России не существует, к сожалению, института добросовестной экспертизы. „Учёные“ своей некомпетентностью чуть было не ограничили граждан России в части некоторых конституционных прав, но при этом они продолжают учить студентов и занимать должности. Можно предположить, что представители правоохранительных органов и силовых структур, раскрутившие маховик судебной машины, лишь продемонстрировали свою некомпетентность. Если не сказать больше, — используя служебное положение в личных целях, они своими необдуманными действиями не только подвергли серьёзному испытанию устоявшиеся российско-индийские отношения, но и бросили вызов основам конституционного строя в части прав и свобод личности. Подав в суд на „Бхагавад-гиту как она есть“ за экстремизм, они сами едва не стали разжигателями межрелигиозной вражды. В этой связи следует

сделать ещё один вывод данной работы. Однобокое и безосновательное применение Федеральный закон „О противодействии экстремистской деятельности“ и ст. 282 УК РФ в части признания той или иной литературы экстремистской уже вызвало огромное количество критики. Небывалая частота применения данного законодательного акта, очевидно, вызвана не реальным увеличением экстремизма в стране, а тем, что сам закон становится „прокрустовым ложем“, готовым стать в нечистоплотных руках настоящим оружием».

Это «настоящее оружие» в нечистоплотных руках вскоре выстрелило с ужасающей силой. Если в случае с индуистским текстом международный резонанс помог отбить атаку, то в отношении других групп граждан теневая юстиция сработала безотказно. Самым масштабным и трагическим примером узурпации правосудия стала кампания по ликвидации организации «Свидетели Иеговы» в России.

В 2017 году, опираясь на многолетнюю подготовительную работу, оспариваемые и подвергавшиеся критике экспертизы и массированную клевету в СМИ, Верховный суд РФ признал «Свидетелей Иеговы» экстремистской организацией и запретил их деятельность на территории страны.

С этого момента юридический террор перешел в горячую фазу. По всей стране прокатилась волна ночных обысков, арестов и жестоких судебных преследований. Государственная машина, ослепленная антикультовой пропагандой, обрушила всю свою мощь на мирных граждан, чья единственная вина заключалась в совместном чтении Библии и пении религиозных гимнов. Множество верующих, включая глубоко пожилых людей, инвалидов и пенсионеров, были приговорены к реальным, длительным срокам лишения свободы. Сроки, которые они получали, были сопоставимы с наказаниями за тяжкие убийства или вооруженный грабеж.

Здесь мы сталкиваемся с самым поразительным парадоксом, который окончательно доказывает глубокий разрыв между публичной риторикой власти и практикой правоприменения. Власть антикультовой сети оказалась настолько всеобъемлющей, что она способна игнорировать и саботировать прямые указания высшего руководства страны.

11 декабря 2018 года, на заседании Совета по правам человека при Президенте РФ, Владимир Путин публично прокомментировал ситуацию с преследованием верующих.

Его оценка была однозначной и резкой, что мы должны одинаково относиться к представителям всех религий, учитывать страну и общество, в котором мы живём, что представители религиозных сообществ не должны зачисляться в какие-то там деструктивные организации и что надо внимательно с этим разобраться.

Глава государства назвал происходящее «полной чушью» и поручил разобраться в ситуации. В любой нормально функционирующей государственной системе, где существует вертикаль власти, такое заявление президента должно было стать немедленным сигналом для Генеральной прокуратуры и Верховного суда к пересмотру дел и прекращению репрессий.

Но ничего не произошло. Репрессии не только не прекратились, но и многократно усилились. Суды продолжили штамповать обвинительные приговоры, опираясь на прежнюю правоприменительную логику и спорную антиэкстремистскую практику. Следователи продолжили выламывать двери в квартирах верующих.

Этот факт показывает, насколько автономной и инерционной стала репрессивная система в сфере свободы совести. Когда президент говорит одно, а судебная машина, управляемая антикультовыми экспертами, делает совершенно другое, становится очевидным: мышь управляет котом.

Но как этой сети удастся поддерживать такой уровень влияния и блокировать любые попытки восстановить законность? Ответ кроется в третьем, важнейшем элементе узурпации — внедрении агентов влияния в высшие эшелоны законодательной власти.

Для того чтобы репрессивные экспертизы работали бесперебойно, им необходима соответствующая законодательная база. Уголовный кодекс и федеральные законы должны быть сформулированы таким образом, чтобы оставлять максимальный простор для расширительного толкования. Как отмечал доктор юридических наук, профессор Александр Коробеев, современное состояние уголовно-правовой политики характеризуется разрушением и десистематизацией уголовного права. Это результат бесконечной серии поправок, которые превратили закон в лоскутное одеяло, создав идеальные условия для произвола.

Эти поправки не появляются из ниоткуда. Их лоббируют конкретные люди в Государственной Думе и Совете Федерации — политики, которые тесно связаны с

антикультовой сетью и выступают ретрансляторами ее идеологии на высшем государственном уровне. Ярким примером такого агента влияния является сенатор Елена Мизулина и ряд ее коллег, чья законотворческая деятельность на протяжении многих лет была направлена на последовательное ограничение гражданских свобод под предлогом «защиты традиционных ценностей» и «борьбы с деструктивным контентом».

Используя трибуну парламента, эти деятели легализуют терминологию, разработанную в недрах РАЦИРС. Они вносят законопроекты, которые размывают юридические формулировки экстремизма, позволяя подвести под эту статью любую неугодную литературу, высказывание или религиозную практику. Они инициируют создание новых запретительных реестров и требуют расширения полномочий силовых структур по контролю над интернетом и общественными объединениями.

Симбиоз между антикультовыми экспертами и коррумпированными законодателями работает безупречно. Эксперты Дворкина создают искусственную панику в СМИ, заявляя о небывалом росте «сектантской угрозы». Агенты влияния в парламенте, ссылаясь на эту панику, требуют принятия новых жестких законов. Законы принимаются, и на их основании те же самые эксперты начинают штамповать обвинительные заключения, отправляя людей за решетку. Круговая порука замыкается на самом высоком уровне.

В результате этой многолетней, целенаправленной работы правовой институт юстиции, изначально призванный защищать истину, обеспечивать законность и укреплять правовое государство, был полностью выпотрошен изнутри. Он превратился в пустую оболочку, внутри которой функционирует частный карательный аппарат.

Юристы и правозащитники бьют тревогу, требуя создания реестра недобросовестных экспертов и ужесточения ответственности за заведомо ложные заключения по статье 307 УК РФ, предлагая перевести это преступление в категорию тяжких с наказанием до 10 лет лишения свободы. Они понимают, что без разрушения монополии на экспертизу остановить этот террор невозможно. В правовом государстве дела, построенные на ложных заключениях, были бы немедленно пересмотрены, прокуроры и судьи, вступившие в преступный сговор, понесли бы суровое наказание по статьям о превышении должностных полномочий и служебном подлоге, а жертвы получили бы полную реабилитацию.

Но в реальности, сконструированной теневой сетью, закон работает только в одну сторону. Если сегодня в России и находится порядочный судья, который, изучив материалы дела, видит откровенную фабрикацию, понимает абсурдность обвинений против мирных верующих и решает действовать согласно Конституции и правам человека, его независимость длится недолго. В тишине его кабинета раздается телефонный звонок. Голос на другом конце провода, ссылаясь на инструкции из высоких кабинетов, недвусмысленно объясняет судье, какое именно решение от него ожидается. И в этот момент, под тяжестью невидимого, но всеобъемлющего давления, все кодексы, законы и конституционные гарантии, лежащие на столе судьи, мгновенно утрачивают свою силу, превращаясь в бесполезную стопку бумаги.

Глава 5. Пропаганда и «спящие ячейки»

Актный зал закрытого ведомственного учреждения обычно представляет собой пространство, лишенное любых эмоций. Строгие ряды кресел, тусклый свет люминесцентных ламп, тяжелые портьеры на окнах и герб на стене за спиной выступающего. Аудитория здесь специфическая — люди в погонах, офицеры спецслужб, оперативные сотрудники полиции, курсанты ведомственных институтов. Их профессиональная деформация предполагает предельную подозрительность, критическое отношение к любой поступающей информации и строгую опору на факты, закрепленные в уголовно-процессуальном кодексе. Казалось бы, это самая защищенная от внешнего идеологического влияния социальная группа. Государство тратит колоссальные ресурсы на их подготовку, чтобы они служили надежным щитом конституционного строя.

Но именно в этих стерильных, закрытых от посторонних глаз залах разворачивается одна из самых масштабных и успешных операций по перехвату управления государственным силовым аппаратом. На трибуну перед офицерами поднимается не генерал, не аналитик антитеррористического центра и не профессор криминалистики. Место за кафедрой занимает человек в рясе или строгом гражданском костюме, представляющий частную, никем не избранную структуру. Он начинает

говорить, и с каждым его словом фокус внимания силовиков незаметно смещается с реальных угроз национальной безопасности на искусственно сконструированные фантомы.

Оперативная деятельность международной антикультовой сети на местах кардинально отличается от их публичной активности в средствах массовой информации. Если в телеэфирах они играют роль обеспокоенных общественников, то за закрытыми дверями ведомств они выступают в качестве непререкаемых идеологов, диктующих силовикам, кого именно следует считать врагом государства. Эта сеть функционирует через свои «политические рукава» — региональные центры и миссионерские отделы, которые взяли на себя функцию, исторически присущую лишь тоталитарным режимам. Они стали современными политруками.

Ключевой фигурой в этой системе идеологической обработки силовиков является протоиерей Александр Новопашин, вице-президент Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) и руководитель Миссионерского отдела Новосибирской епархии. Его деятельность давно вышла за рамки традиционного религиозного просвещения. Интернет-ресурсы его Информационно-консультационного центра изобилуют материалами о «профилактике экстремистских проявлений» и «противодействии терроризму», создавая полное впечатление, что перед нами не церковная структура, а специализированное подразделение государственной безопасности.

Статус этой организации подчеркивается ее международными связями. С 2002 по март 2023 года центр Новопашина решением Президиума FECRIS (Европейской Федерации Центров по изучению и информации по сектантству) являлся членом-корреспондентом с присвоением международного наименования «ICCS – Informational Consulting Center on Sectarianism». Обладая таким солидным прикрытием, представители сети получают беспрепятственный доступ в самые закрытые аудитории.

Масштаб и глубина этого проникновения поражают воображение. В 2010 году лидер сети Александр Дворкин совершил визит в Новосибирск, который стал хрестоматийным примером того, как частная идеология подчиняет себе государственную машину. Отчет об этой поездке, опубликованный самими антикультистами, читается как сводка об успешной вербовке:

«За время пребывания в Новосибирске он дал интервью областному депутатскому каналу Радио „Слово“, выступил с лекцией в Духовной семинарии, принял участие в видеоконференции ГУВД НСО, выступил с докладом на тему „Тоталитарные секты как угроза национальной безопасности“ перед сотрудниками Центра по противодействию экстремизму ГУВД по Новосибирской области (Центр „Э“) и курсантами института ФСБ России ... Профессор признался, что не устал, что график работы иной раз у него бывает ещё более плотным, и что в целом он доволен поездкой. По его словам, очень хорошее впечатление на него произвела активность силовиков. «Военные и милицейские аудитории бывают несколько инертны, — сказал профессор. — Однако в Новосибирске я этого не ощутил. Напротив, везде я столкнулся с живым интересом к проблеме тоталитарного сектантства, хорошим пониманием того, что происходит, и самая активная аудитория в этом смысле была в Институте ФСБ».

Вдумайтесь в смысл сказанного. Институт ФСБ — это кузница кадров для главной спецслужбы страны, ведомства, которое по закону подчиняется исключительно Президенту Российской Федерации. И именно эта аудитория, по признанию самого лектора, оказалась «самой активной» в восприятии его частной, ничем не обоснованной теории о «тоталитарном сектантстве».

Парадокс ситуации заключается в том, что спецслужба, призванная контролировать и пресекать любые попытки незаконного влияния на государственные институты, сама попала под идеологическое руководство сторонней организации. Вместо того чтобы защищать граждан от агрессивной стигматизации, оперативные сотрудники начинают воспринимать списки «неугодных», составленные в кабинетах РАЦИРС, как прямое руководство к действию. Они слушают лекции, конспектируют методички и затем реализуют оперативные мероприятия, которые в конечном итоге выгодны исключительно лидерам антикультовой сети.

Но как именно происходит эта трансформация сознания профессионала? Почему люди, обученные ловить вооруженных бандитов и реальных террористов, внезапно начинают выламывать двери в квартирах мирных верующих?

Ответ кроется в системной реформе правоохранительных органов, которая удивительным образом совпала с пиком активности антикультового движения. В 2008 году в системе МВД России произошло кардинальное изменение: были упразднены управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП). Подразделения,

сотрудники которых десятилетиями занимались организованной преступностью, рэкетом и бандитизмом, были расформированы или реорганизованы. На их базе в системе МВД начали создавать Центры по противодействию экстремизму (Центры «Э»).

Сотрудники этих новых подразделений оказались в сложнейшей ситуации. Они умели внедряться в преступные синдикаты, проводить силовые задержания и работать с криминальной агентурой. Но они не имели ни малейшего представления о том, что такое религия, свобода совести, теология или социология малых групп. Оказавшись в новых креслах, они столкнулись с жесткой бюрократической необходимостью: система требовала от них показателей, раскрываемости и регулярной отчетности по борьбе с «экстремизмом».

Именно в этот момент вакуума компетенции к ним на помощь пришли представители миссионерских отделов и региональных филиалов РАЦИРС. Бывший сотрудник одного из таких отделов, Валерий Отставных, в своем откровенном интервью детально описал как происходило сближение силовых структур и антикультовой среды на примере Тульской области. Его свидетельство является подтверждением того, как государственная полиция превратилась в исполнительный орган частной инквизиции:

«— Зачем людей пугать? Не просто же для удовольствия. Вы считаете, что заказчиком, выгодоприобретателем, в данном случае является именно Русская православная церковь? — Однозначно. Русская православная церковь, которая опирается на силовые структуры. Сейчас я вам расскажу очень интересный случай... Когда в 2011 году упразднили Управление по борьбе с организованной преступностью в системе МВД, знаменитый убойный отдел, помните? „Улицы разбитых фонарей“ и так далее. Помните этих персонажей, которые любят выпить, но проснутся и хорошие парни. Они могут и в рыло дать, но только откровенному бандиту. Вот они действительно такие все. И методы, и «подходцы», как говорил Глеб Жеглов, у них такие. Но поскольку организованная преступность у нас давно легализовалась и слилась с официальными структурами, то их упразднили. И что с ними делать? Их превратили в центры по борьбе с экстремизмом. И вот эти ребята с „Улицы разбитых фонарей“, без образования, без представления, какая тонкая материя религия, как вообще нужно работать с людьми, как вербовать, как опрашивать, как беседовать свои методы перенесли на простых людей. Людей верующих, с тонкой душевной организацией. Вначале они начали судорожно искать себе объект для работы. Они его нашли в лице националистов. Они почему-то

вначале решили, что главная угроза России — это националисты. Я помню тот период. Потом националисты быстро „кончились“, их как-то не хватало для отчётности, и тогда, я помню, они первый раз пришли к нам в Миссионерский отдел. Пришли сотрудники Тульского Центра по борьбе с экстремизмом при УВД области. Они пришли к нам и откровенно сказали: „Ребята, вы знаете, мы боролись с националистами, но что-то они у нас кончились, и нам не с кем бороться теперь. И мы слышали, что вы тут тоже боретесь, молодцы какие, тоже с какими-то гадами, врагами государства, с сектантами. Но у нас про них никакой информации нет. Не можете поделиться с нами информацией? Где, на какой улице, в каком доме живут лидеры всяких религиозных деструктивных общин Тульской области?“. Ну, вот мой коллега, Алексей, взял и начал с ними сотрудничать. Точнее, Миссионерский отдел в его лице. Мне, как говорят на блатном жаргоне, общаться и сотрудничать с ними было „западло“, потому что с конца 2011 года я стал человеком политизированным, то есть я перешёл в протест, оставаясь ещё внутри Церкви. И этим ребятам подсказали, где, кто, какие „нехорошие“ люди и организации существуют в Тульской области, координаты дали и какую-то литературу, чтобы они познакомились. По-моему, учебное пособие того же Дворкина и ещё какие-то книги подарили. — А они какими-то конкретными преступлениями интересовались или просто спрашивали про каких-то „плохих людей“? — Они спрашивали: где злодеи живут? Какие секты деструктивные в Тульской области, какие у них адреса, кто у них пастора и так далее».

Этот диалог вскрывает чудовищную по своей простоте и цинизму схему. Силловые структуры не расследуют совершенные преступления. Они приходят к частным лицам с просьбой указать, кого именно нужно назначить преступником для выполнения плана. И антикультисты с готовностью предоставляют им эти списки, адреса и учебные пособия. Оперативники, привыкшие применять жесткие методы к вооруженным бандитам, начинают применять те же самые методы к мирным гражданам, чья вина заключается лишь в том, что их имена оказались в переданном списке.

Но откуда у миссионерских отделов появляются столь подробные базы данных на граждан своей страны? Оказывается, параллельно с официальными спецслужбами, антикультовая сеть выстроила собственную, глубоко законспирированную систему разведки и слежки. Они не просто читают лекции; они ведут полномасштабную оперативную работу под прикрытием.

Тот же источник подробно описывает методы сбора информации, которые используются рядовыми сотрудниками сети на местах:

«— То есть это больше сбор бытовых каких-то данных, нежели какое-то исследование? — Ну, не только бытовых. Это показывает дотошность в сборе сведений ... Местный архиерей наш, помню, тогда аж за голову взялся и похвалился Дворкину: какие у нас профессионалы крутые, знают, какое у местного протестантского пастора бельё сушится на балконе. Это раньше надо было ногами ходить, чтобы понять, сколько человек ходит в секту, кто у них лидер и так далее. Надо было прийти на их собрание, а когда придёшь на собрания несколько раз, то уже лицо-то примелькается, тебя в городе уже знают и тяжело собирать объективные данные. А вот сейчас, с развитием сети интернет, всё стало элементарно просто. Человек сидит в Миссионерском отделе, заходит на аккаунты и в группы религиозных организаций в соц. сетях, а там всё они сами вываливают данные про себя, сами всё расписывают. Где у них что, какая у них база, сколько у них людей, кто у них пастор, какие у них координаты и т. д. Насколько я знаю, используется ещё такой приём разведывательного плана — то есть миссионер, беспощадный к „врагам Рейха“, заходит под именем „Вася“ и „включает дурака“, что хочу вступить в вашу секту, а как у вас в секте дела идут, а говорят, что у вас пастор такой жадный, а деньги... И так далее. То есть вступает в переписку анонимно. Такие хитрые игры могут вестись. И при этом представители религиозных организаций, так называемых „деструктивных“, могут не знать, что с ними общаются сотрудники соответствующей службы внутренней безопасности РПЦ (МП). — Ну, то есть разведывательная работа по факту ведётся? — Абсолютно. Это сбор разведанных. Работа под прикрытием».

Мы видим не просто сбор сведений, а формирование механизма скрытого наблюдения и последующей фабрикация обвинительного материала. Люди, называющие себя миссионерами и исследователями, занимаются слежкой за согражданами под религиозным прикрытием. Они создают фейковые аккаунты, втираются в доверие, провоцируют на откровенные разговоры, собирают личные данные, адреса и контакты. Однако на этом процесс не заканчивается: собранные фрагменты информации не сохраняются в нейтральном виде, а проходят через этап идеологически заданной интерпретации, селективного отбора и искажения. В результате общественности и государственным структурам предъявляется уже не реальная картина,

а сфабрикованный образ «деструктивной секты», построенный на передергиваниях, вырванных из контекста деталях и заранее заданном обвинительном шаблоне.

Чтобы оправдать существование этой разведывательной сети и постоянное закручивание гаек, идеологам необходимо поддерживать в обществе и среди силовиков градус перманентной паники. Для этого используется специфическая риторика, направленная на формирование образа невидимого, вездесущего врага, готового в любой момент нанести удар в спину государству.

Тот же протоиерей Александр Новопашин в своих публичных выступлениях регулярно озвучивает тезис о существовании так называемых «спящих ячеек». Он заявляет, что в российских городах организованы скрытые группы сектантов, которые якобы «по команде сверху в любой момент будут мгновенно активизированы». По его словам, эта активация может заключаться в выводе адептов на улицы для поддержания массовых беспорядков и свержения государственного строя. При этом он неизменно указывает на Запад как на главного координатора этого мифического подполья.

С точки зрения профессиональной психологии и анализа пропаганды, подобные заявления являются классическим примером манипулятивного приема «держи вора». Этот метод используется тогда, когда истинные организаторы деструктивной деятельности, чувствуя угрозу разоблачения, первыми поднимают крик и направляют гнев общества на своих жертв.

Реальность такова, что именно антикультовая сеть обладает всеми признаками тех самых «спящих ячеек», которыми они пугают силовиков. Именно у них есть жесткая иерархия, единый координационный центр, разветвленная сеть агентов на местах, навыки работы под прикрытием и прямой доступ к умам вооруженных людей. Запугивая силовые структуры мифическими уличными беспорядками, они решают главную задачу: дезорганизуют общественность и получают тайное управление поведением силового аппарата. Силовики, ожидая удара от вымышленных сектантов, перестают замечать, что настоящая угроза конституционному строю уже сидит в их собственных кабинетах и читает им лекции.

Однако было бы глубоким заблуждением считать, что эта оперативная деятельность ограничивается границами одного государства. Антикультовая сеть — это транснациональная структура, и ее методы работы за рубежом вскрывают еще более

пугающую картину. Когда мы начинаем анализировать деятельность европейских партнеров РАЦИРС, в частности представителей Европейской Федерации Центров по изучению и информации по сектантству (FECRIS), мы обнаруживаем прямые, задокументированные связи с кадровыми офицерами российских спецслужб.

Долгие годы европейские антикультисты позиционировали себя как независимые правозащитники, борцы за экологию и либеральные ценности. Они громко заявляли о своей непричастности к политике Кремля. Но утечки информации и независимые расследования разрушили этот фасад.

Ярчайшим примером такого внедрения является деятельность Татьяны Жданок, депутата Европейского парламента от Латвии, которая была официально разоблачена как агент Пятой службы ФСБ. Жданок не просто занималась политическим лоббизмом; она была глубоко интегрирована в международную антикультовую повестку.

Анализ ее переписки с кураторами из ФСБ показывает, как политические и общественные мероприятия могли использоваться для легализации агентурных контактов и передачи чувствительной внутренней информации. Одно из писем, отправленных Жданок офицеру ФСБ Дмитрию Гладю датировано 3 октября 2005 года. В этом сообщении содержится информация о методах легализации агентурной работы:

«Жданок отправила два вложения на электронную почту Гладя. Одним из них был неопубликованный проект повестки предстоящей конференции в Таллине и Нарве, Эстония, организованной двумя парламентскими блоками — группой Европейского парламента „Зелёные — Европейский свободный альянс“ и Европейским русским альянсом. Второе вложение содержало проект пресс-релиза о конференции — событии, организованном, по словам Жданок, для обсуждения опыта участия российских политиков в муниципальных органах власти и опыта сотрудничества НПО с местными властными структурами».

В апреле 2007 года в Риге была создана антикультовая структура — Латвийский комитет по борьбе с тоталитарными сектами «АНТИСЕКТ». Его сопредседателями назывались Олег Никифоров и Виктор Ёлкин. Этот эпизод показывает, что уже вскоре после создания РАЦИРС антикультовая повестка начала институционализироваться и в латвийском русскоязычном пространстве. Олег Никифоров и Виктор Ёлкин — фигуры,

действовавшие в русскоязычном политическом поле Латвии, связанном с предшественниками нынешнего «Русского союза Латвии».

Антикультовая риторика оказалась идеальным камуфляжем для шпионажа. В демократических странах Европы, где спецслужбы жестко контролируют попытки прямого политического вмешательства, борьба с «опасными культами» воспринимается обществом как благородная правозащитная деятельность. Агент ФСБ, выступающий под маской борца с сектами, получает легальный доступ к политикам, журналистам, преподавателям университетов и базам данных граждан. Он может годами публично критиковать тоталитарные режимы, поддерживать «зеленую» повестку и при этом тайно выполнять задания своих кураторов из Москвы.

Еще более откровенно эта схема работала на территории Украины, где антикультовая сеть использовалась не просто для сбора информации, а для прямой дестабилизации государства. Ключевой фигурой здесь выступал украинский антикультист Павел Бройде, связанный с Александром Дворкиным.

Деятельность Бройде совпадала с задачами Пятой службы ФСБ: противодействие цветным революциям, идеологическое противостояние демократическим процессам, создание агентурной сети и вербовка лояльных кадров. Его подрывная работа была вскрыта благодаря утечке электронных писем из почты Владислава Суркова, советника президента РФ. Выяснилось, что человек, публично заявлявший о своей борьбе за духовную безопасность общества от влияния сект, на самом деле отправлял в Кремль аналитические записки с предложениями по манипулированию украинской аудиторией и созданию специализированных пропагандистских сайтов.

Инструкции, по которым действовали эти агенты, были разработаны задолго до начала открытых геополитических конфликтов. Еще в 2001 году на антикультовой конференции в Нижнем Новгороде были озвучены четкие методические рекомендации по проникновению в органы законодательной и исполнительной власти, судебные инстанции и средства массовой информации. Эти инструкции предписывали создавать группы из молодежи и студентов для внедрения в целевые организации, сбора компромата, публикации личных данных (имен, адресов, телефонов) неугодных лиц и организации травли.

И здесь мы подходим к самому страшному аспекту оперативной деятельности антикультовой сети. Понимая, что взрослые, состоявшиеся люди с критическим мышлением сложнее поддаются вербовке, идеологи сети направили свой главный удар на самую уязвимую и беззащитную часть общества — на детей и подростков. Проникновение в образовательные учреждения стало приоритетной задачей их оперативной работы.

Школа — это закрытая экосистема. Родители отдают туда своих детей, будучи абсолютно уверенными, что государство гарантирует безопасность образовательного процесса и защищает психику ребенка от деструктивного влияния. Но бюрократическая машина образования оказалась столь же уязвимой перед антикультовой мимикрией, как и силовые ведомства.

Показательный случай был зафиксирован в Чешской Республике. В официальной системе Министерства образования, молодежи и спорта Чехии по «первичной профилактике рискованного поведения» (*primární prevence rizikového chování*) тема «негативного влияния сект» (*negativního působení sekt*) присутствовала как одно из направлений школьной профилактики. Под предлогом защиты детей и подростков от различных социальных рисков в профилактическую рамку была встроена и антикультовая проблематика, что само по себе заслуживает критического анализа с точки зрения свободы совести и нейтральности государства.

Масштаб этой системы был значительным: речь шла о централизованно координируемой государственной профилактической сети, охватывавшей школы, школьных методистов профилактики, региональных координаторов и сертифицированных внешних провайдеров.

В категорию «рискованного поведения» включалась и тема «сект». Это создавало риск стигматизации легально действующих религиозных меньшинств в школьной среде, особенно если соответствующие материалы подавались не в правозащитной и нейтральной рамке, а через антикультовую оптику.

Детям внушали, что участники этих организаций — злые, плохие и опасные люди. Психологический эффект от такого воздействия катастрофичен. У ребенка, чей понятийный аппарат только формируется, искусственно создается черно-белая картина мира. В его сознание закладываются устойчивые негативные установки и предрассудки.

Он начинает смотреть на окружающих через призму подозрительности и враждебности. Если завтра он узнает, что родители его одноклассника посещают одну из организаций из «черного списка», этот одноклассник мгновенно станет объектом травли и ненависти. Антикультисты своими руками конструируют в школах атмосферу страха, которая неизбежно приводит к вспышкам агрессии и насилия среди подростков.

Точно такие же процессы, в еще более открытой форме, происходят в российских учебных заведениях. Здесь антикультовая пропаганда уже не прячется за обтекаемыми формулировками о «рискованном поведении». Она встраивается в государственную повестку под вывеской «сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей» и борьбы с экстремизмом. Показательным примером такой практики стало мероприятие, проведенное 25 марта 2025 года в Сибирском государственном университете путей сообщения (СГУПС). Перед студентами первых курсов выступил протоиерей Александр Новопашин, руководитель миссионерского отдела епархии.

Тема его семинара звучала так: «Сектанты и революция, секты и „цветные революции“». Согласно официальному отчету о мероприятии, лектор сделал общий обзор так называемых деструктивных образований, форм вербовки и последствий пребывания в них. Сама постановка темы носила откровенно идеологизированный характер, особенно в той части, где студентам предлагались крайне спорные исторические параллели.

Согласно официальному отчету, Новопашин рассказал об участии различных «сект» в государственных переворотах, указав в качестве примеров декабристов, большевиков, нацистов, ваххабитов, неопятидесятников и неоязычников.

В одной фразе, в одном логическом ряду оказались смешаны дворяне-офицеры XIX века, политическая партия начала XX века, архитекторы Холокоста и современные религиозные меньшинства. Эта абсурдная, антинаучная мешанина подается студентам государственного вуза как непреложная истина. Цель такой лекции — не просвещение. Цель — полное разрушение аналитического мышления у молодежи. Когда студенту внушают, что мирный верующий-протестант стоит в одном ряду с нацистским преступником или террористом-ваххабитом, у него стираются моральные и правовые границы. Он становится идеальным, послушным орудием в руках манипуляторов, готовым оправдать любые репрессии против тех, на кого укажет лектор.

Мы наблюдаем сюрреалистичную картину. Люди, которые сами иницируют массовые репрессии, нарушают конституционные права граждан, занимаются незаконным сбором личных данных и сотрудничают с иностранными разведками, приходят в школы и университеты, чтобы учить детей патриотизму и противодействию экстремизму. Они формируют молодежные антикультовые армии, обучая студентов методам слежки, доносов и информационной травли.

Эта оперативная работа на местах — в кабинетах следователей, в школьных классах, в студенческих аудиториях — создает плотную, непроницаемую паутину. Государство, ослепленное бюрократическими отчетами о проведенных «профилактических мероприятиях», не замечает, как его кровеносная система заполняется ядом тоталитарной идеологии.

Истинный масштаб этой узурпации становится понятен лишь тогда, когда разрозненные факты складываются в единый визуальный образ. На одной из фотографий, опубликованных в отчетах антикультовой сети, запечатлен момент, который красноречивее любых аналитических выкладок демонстрирует, кто на самом деле обладает властью.

В полумраке православного храма, среди икон и горящих свечей, стоят два человека. Один из них — официальный представитель Национального антитеррористического комитета, высокопоставленный государственный чиновник, наделенный колоссальными полномочиями в сфере национальной безопасности. Другой — заместитель главного идеолога антикультовой сети, человек, чья организация годами фабрикует списки врагов и ломает судьбы невинных людей. Чиновник приехал к нему не для того, чтобы провести допрос или вручить постановление о возбуждении уголовного дела за разжигание розни. Он приехал для проведения официальной деловой встречи. Государственная машина безопасности покорно склонила голову перед алтарем частной инквизиции, ожидая новых указаний о том, кого завтра следует назвать врагом народа.

Глава 6. Финал. На пороге цивилизационной войны

Глобус в кабинете геополитического аналитика обычно испещрен флажками, обозначающими зоны экономических интересов, военные базы и маршруты поставок энергоносителей. Традиционная политология привыкла мыслить категориями государств, альянсов и макроэкономических показателей. Политики высшего эшелона, генералы и руководители спецслужб искренне верят, что именно они управляют ходом истории, передвигая невидимые фигуры на великой шахматной доске. Они оценивают риски, исходя из количества танковых дивизий у границ, объемов золотовалютных резервов и подписанных международных меморандумов.

Однако эта привычная, рациональная картина мира не всегда позволяет увидеть влияние негосударственных идеологических сетей, экспертных сообществ и религиозно-политических групп на принятие решений. Пока официальные правительства заняты дипломатическими играми и переделом рынков, подлинная власть над будущим планеты незаметно перетекает в руки тех, кого никто никогда не избирал, чьи имена редко появляются в списках Forbes, и чьи штаб-квартиры не отмечены на правительственных картах. Теневая структура, годами оттачивавшая свои навыки на локальных репрессиях, уничтожении мирных меньшинств и захвате региональных ведомств, подходит к финальной стадии своего плана. Их амбиции давно вышли за пределы контроля над отдельными министерствами или судебными инстанциями одной страны. Их конечная цель — тотальный демонтаж существующего миропорядка, уничтожение светской формы правления как таковой и погружение человечества в пучину глобальной, беспрецедентной по своей жестокости цивилизационной войны.

Чтобы осознать масштаб рисков, необходимо отказаться от восприятия антикультового движения как группы маргинальных религиозных фанатиков или коррумпированных экспертов. Антикультовые структуры обладают транснациональными связями, устойчивыми экспертными и медийными каналами и способностью влиять на государственные решения. И в отдельных радикально-консервативных и религиозно-имперских проектах прослеживаются антидемократические представления о сакрализованной власти, стоящей над светскими

институтами. Одним словом, ядром этой доктрины является концепция установления глобальной теократии под управлением единоличного правителя — так называемого «византийского базилевса».

Идея сакрализованного единоличного правления может использоваться не как чисто историческая метафора, а как политико-идеологический образ, противопоставленный либеральной демократии, конституционализму и разделению властей. В светском государстве власть легитимизируется волей народа через выборы. В теократической модели, о которой рассуждают сторонники религиозно-имперских концепций, власть правителя объявляется сакральной, дарованной свыше, а значит — абсолютно неподотчетной обществу.

Но в этой схеме есть один критически важный нюанс, который раскрывает истинную суть узурпации. Базилевс, наделенный неограниченными полномочиями, формально стоит во главе государства. Однако право трактовать «волю небес», определять, что является благом, а что — ересью и угрозой, принадлежит исключительно узкой касте идеологов. Антикультовая сеть отводит себе роль верховной инквизиции, серых кардиналов, которые стоят за тронem. Они формируют картину мира для правителя, они приносят ему списки внутренних и внешних врагов, они диктуют, против кого должна быть направлена мощь государственного репрессивного аппарата. Правитель, ослепленный иллюзией своей божественной избранности, фактически становится заложником и послушной марионеткой в их руках.

Продвижение этого теократического проекта осуществляется не маргиналами с улиц, но и частью элит, ориентированных на союз религиозной символики, административного ресурса и идеологии исключительности. Независимые расследования и утечки информации указывают на существование закрытых элитарных структур, обеспечивающих политическое прикрытие и финансирование этого глобального переворота. В частности, в материалах журналистских расследований о российской элите фигурирует так называемое Дивеевское братство — неформальный круг чиновников и бизнесменов, связанных с Дивеевским монастырем. Это закрытый клуб, куда, по имеющимся данным, входят высокопоставленные лица нынешнего российского руководства, включая ключевых министров и кураторов внутренней политики. Именно такие структуры, обладающие колоссальным административным и

финансовым ресурсом, выступают спонсорами демонтажа светского государства, искренне веря, что они строят новую, священную империю.

Переход от светского государства к теократической диктатуре нередко сопровождается кризисами, мобилизацией страха, поиском внутренних и внешних врагов и оправданием чрезвычайных мер. Но в риторике радикальных идеологов конфликт часто подается как экзистенциальный и сакральный, где компромисс объявляется невозможным.

Именно здесь в арсенал радикализованной пропаганды вводится самое страшное идеологическое оружие — эсхатологическая риторика. Эсхатология — это учение о конце света, о финальной битве добра со злом. Антикультовые идеологи целенаправленно внедряют этот нарратив в государственную пропаганду, трансформируя любые геополитические конфликты в религиозные крестовые походы.

Политический противник перестает быть просто конкурентом на мировой арене. Он демонизируется, расчеловечивается и объявляется слугой дьявола. В храмах начинают звучать специально составленные «молитвы о победе», которые теологически оправдывают агрессивные войны, массовое кровопролитие и уничтожение целых народов. Война преподносится не как трагедия, несущая смерть и разрушения, а как священный долг, акт духовного очищения мира от скверны.

Эта риторика пронизывает все уровни антикультовой пропаганды. Достаточно проанализировать тексты, которые лидеры сети годами внедряли в сознание своих последователей и представителей власти. В базовом труде Александра Дворкина, который используется как учебное пособие во многих духовных и светских учебных заведениях, содержится пассаж, блестяще иллюстрирующий механику конструирования глобального врага:

«Итак, „индуизм как он есть“ — наиболее мощная языческая традиция нашего времени. ... Индуизм, особенно в своём оккультном аспекте, питает и, возможно, составляет ядро формирующейся на наших глазах религии или, вернее, консенсуса религий антихриста. Современный индуизм и, в первую очередь, гуруистские секты — это миссионерский вызов Церкви Христовой ...»

Этот текст — не просто частное богословское суждение, а пример предельно конфронтационной и демонизирующей риторики. Применяя термин «языческая

традиция» к мировой религии с миллиардом последователей, автор навешивает на нее обобщающий негативный ярлык. Использование слов «оккультный аспект» ассоциирует древнюю культуру с тайными, демоническими практиками. Но кульминацией этой лингвистической диверсии является фраза «религии антихриста». Это наиболее сильное средство демонизации из всех возможных. Автор прямо связывает огромную часть человечества с эсхатологическим врагом христианства.

Когда подобная риторика становится официальной позицией людей, консультирующих министерства юстиции и спецслужбы, полемика выходит из рационального поля. В экзистенциальной вражде с «религией антихриста» не может быть мирных договоров, дипломатических уступок или соблюдения прав человека. Борьба становится священным долгом, оправдывающим любые зверства. И эта матрица ненависти применяется не только к индуизму. Подобная схема действительно легко переносится на иные конфессии, движения и сообщества.

Однако главная ставка в наиболее тревожных сценариях делается на столкновение крупных цивилизационных массивов. Глобальная цель антикультовой сети — искусственный запуск сценария «столкновения цивилизаций», стравливание исламского и неисламского миров в бойню, которая может стереть с лица земли миллиарды людей.

Можем ли мы сегодня представить, что две крупнейшие религии мира, которые на протяжении истории имели множество точек соприкосновения и периодов мирного сосуществования, находятся на грани жестокой и кровопролитной войны? Люди, которые разделяют общую веру в единого Бога, завтра могут быть втянуты в логику взаимной демонизации, если политические и медийные элиты будут последовательно разрушать пространство сосуществования.

Этот конфликт не возникает сам по себе. Он тщательно, шаг за шагом, конструируется. Специалисты в области национальной безопасности и разведки, проанализировав колоссальный массив данных, предупреждают о многоступенчатой стратегии глобального антикультизма. Согласно ей, восстание мусульманского мира — это еще один шаг в стратегии достижения мирового беспорядка игроками глобальной антикультовой сети. Как я уже упоминал, первый шаг — гражданская война в Америке. Второй шаг — дезинтеграция Европейского союза, сопровождаемая эскалацией антимусульманских настроений и критическими нарушениями прав мусульман. И следующий шаг — масштабные мусульманские восстания в Европе, с последующим

вовлечением в конфликт крупных исламских государств под предлогом защиты единоверцев».

Рассмотрим этот сценарий, опираясь на факты новейшей истории.

Первый шаг — рост внутренней поляризации в США, который действительно ослабляет общественное доверие и повышает конфликтность политической системы. Для этого в американском публичном поле используются разнообразные медиастратегии, способствующие поляризации.

События последних лет демонстрируют, что этот план работает с пугающей эффективностью. Движение за выход Техаса из состава США («Текзит») набирает обороты, отдельные опросы показывали заметный уровень симпатии к идее независимости. Большой процент жителей штата готовы поддержать независимость, а сторонники сецессии занимают ключевые руководящие посты. Это не просто политические дебаты; это формирование реальных предпосылок для раскола страны.

Параллельно с этим общество переживает последствия политического насилия и радикализации. Выстрелы в Дональда Трампа — это не просто акт одиночки. Это результат целенаправленного создания атмосферы нетерпимости, где политический оппонент воспринимается как экзистенциальная угроза, подлежащая физическому устранению. Когда нация расколота пополам, когда уровень доверия к правительству и общественным институтам падает до рекордно низких отметок, а граждане готовы взяться за оружие ради защиты своих идеологических убеждений, государство теряет способность влиять на внешнюю политику.

Второй шаг — рост общественной напряженности в Европе на фоне миграционных кризисов, праворадикальной мобилизации и антимусульманской риторики. Европа, с ее большим числом мигрантов и сложной политической атмосферой, действительно представляет собой среду повышенного риска для провокаций и взаимной радикализации.

Серия публичных сожжений Корана в Швеции, Дании и других европейских странах в 2023 году — это акции, которые многие правительства, наблюдатели и религиозные общины рассматривали как крайне опасные провокации, усиливающие международную напряженность и антимусульманские настроения. Их эффект заключался в оскорблении религиозных чувств и в росте риска ответной радикализации.

Параллельно с этим разыгрываются кровавые трагедии, призванные резко дестабилизировать общественную атмосферу. Ярчайшим примером такой информационно взвинченной дестабилизации стали события в Великобритании летом 2024 года. Трагедия в Саутпорте, где в результате нападения погибли маленькие девочки, была быстро превращена в повод для массового распространения дезинформации и антимигрантской, антимусульманской мобилизации.

В информационное пространство была вброшена дезинформация о том, что убийца якобы является радикальным исламистом и мигрантом. Эта ложь, многократно усиленная через социальные сети и некоторые медиа, упала на почву страха и ксенофобии. Результат не заставил себя ждать. Российское издание сухо констатировало факт, который стал триумфом антикультовых манипуляторов:

«Великобританию охватили массовые беспорядки. Местные жители избивают мигрантов после нападения одного из них на детей».

Улицы британских городов стали местом массовых беспорядков и насилия. Горели гостиницы, где размещались беженцы, толпы громили магазины и нападали на полицейских. Принцип «вина по принадлежности», без каких-либо доказательств, сработал безупречно. Общество, ослепленное горем и искусственно направленной яростью, начало атаковать целую социальную и религиозную группу.

Но на этом фоне возникали и другие события, усиливавшие атмосферу страха. В те же дни августа 2024 года мир оказался на волосок от еще более масштабной трагедии. В Вене были отменены три концерта Тейлор Свифт — крупнейшей поп-звезды современности, чье влияние на умы молодежи сопоставимо с феноменом битломании. Организатор концертов, компания Barracuda Music, выпустила официальное заявление, от которого стынет кровь:

«После подтверждения от правительственных чиновников о запланированной террористической атаке на стадионе „Эрнст Хаппель“ у нас нет другого выбора, кроме как отменить три запланированных шоу ради безопасности всех».

Главным подозреваемым оказался молодой человек, которого власти связывали с джихадистской радикализацией и подготовкой атаки. Если бы атака состоялась, последствия были бы катастрофическими и почти наверняка усилили бы антимусульманские настроения далеко за пределами Австрии.

Все эти события — покушения на политиков, массовые убийства детей, уличные погромы, предотвращенные теракты на концертах мировых звезд — показывают, насколько легко трагедия, дезинформация и радикализация складываются в общий механизм эскалации. Это создает все более тяжелые условия для жизни мусульман в Европе, усиливает общественную подозрительность и повышает вероятность дальнейшего насилия.

И здесь вступает в действие третий шаг стратегии — масштабные мусульманские восстания. Люди, доведенные до отчаяния постоянными преследованиями, неизбежно начнут сопротивляться. Локальные стычки перерастут в полномасштабную городскую герилью. Европа погрузится в хаос уличных боев, где христиане и мусульмане будут убивать друг друга, искренне веря, что защищают свои семьи и свои ценности.

Но и это лишь прелюдия к главному акту трагедии. Риск международного втягивания внешних игроков в межрелигиозно окрашенные конфликты действительно существует.

Именно в этот момент локальный европейский кризис может трансформироваться в глобальную цивилизационную войну. Пропаганда способна представить целые религиозные традиции как источник насилия, что особенно опасно. Они могут не заметить за плотной завесой антикультовой пропаганды того факта, что ислам, по своей сути, является источником морали, мира и любви, как и другие традиционные верования. Мусульмане, проживающие в христианских странах, окажутся перед тяжелым выбором: оставаться в стороне будет все труднее, если весь мир начнет смотреть на их религию через призму коллективной вины.

Кульминация этого чудовищного плана связана с риском ядерной эскалации. Сценарии такого рода апеллируют к колоссальным человеческим потерям. Инфраструктура будет разрушена, экономики рухнут, государственные институты перестанут существовать.

Именно в этот момент, на руинах прежнего мира, есть риск прихода к власти жестких авторитарных режимов, обещающих порядок в обмен на свободу. В условиях тотального хаоса, голода и паники, выжившие люди сами будут умолять о жесткой руке, способной навести хоть какой-то порядок. И тогда им предложат фигуру сакрализованного правителя — абсолютного диктатора, опирающегося на силовой

аппарат и чрезвычайные полномочия. Демократия, права человека, свобода совести — все эти понятия могут быть вытеснены тотальным контролем, сегрегацией и страхом.

Поразительно, но архитекторы этого апокалипсиса, считающие себя гениальными стратегами, абсолютно слепы в своем безумии.

Мы подошли к критической черте. Локальные репрессии против мирных верующих, сфабрикованные экспертизы, захват министерских кресел и идеологическая обработка силовиков — все это были лишь подготовительные этапы. Инструменты отточены, агентурные сети развернуты, информационное пространство отравлено ненавистью. Риск большой межкультурной эскалации нельзя игнорировать, особенно когда каждый новый теракт, каждый сожженный Коран и каждый всплеск политического насилия становятся топливом для новой спирали ненависти.

Общество, убаюканное иллюзией нормальности, продолжает жить повседневными заботами, не замечая, как вокруг него сужается пространство свободы и растет общественная готовность к исключению «нежелательных» групп. Люди продолжают верить новостным заголовкам, послушно ненавидя тех, на кого им указывают невидимые кукловоды. Они не понимают, что, поддерживая гонения на немногочисленные меньшинства сегодня, они подписывают смертный приговор самим себе и своим детям завтра.

Слабость глобального антикультизма заключается лишь в одном — они панически боятся света. Их система построена на лжи, манипуляциях, закрытости и злоупотреблении страхом. Они сильны только до тех пор, пока остаются в тени, пока общество не осознает истинных мотивов их действий. Как только их стройный план начинает подвергаться публичной огласке, их ряды дрогнут. Коррумпированные исполнители, лишенные чести и принципов, при первых признаках опасности начнут предавать своих хозяев, пытаясь спасти собственные жизни.

Судьба мира сегодня зависит от решений политических лидеров, институтов и обществ, которые еще сохранили остатки независимости и здравого смысла. Перед ними стоит исторический выбор, который определит не только их личное наследие, но и устойчивость международного порядка.

Можно продолжать играть роль могущественных правителей, оставаясь при этом слепыми марионетками идеологизированных сетей влияния. Можно позволить им и

дальше диктовать внутреннюю и внешнюю политику, стравливать народы и приближать ядерный апокалипсис, надеясь отсидеться в глубоких бункерах.

А можно сделать решительный шаг. Разорвать паутину лжи, демонтировать коррумпированные экспертные советы, остановить маховик репрессий и вывести истинных архитекторов террора на свет международного правосудия.